

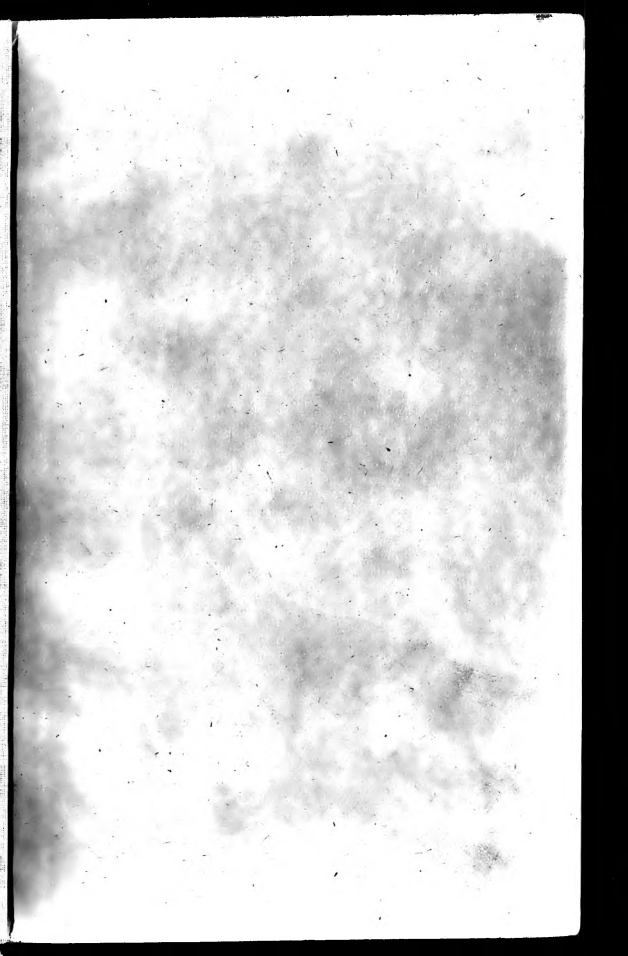
ТРОЦКИЙ

НОВ. ЭКОНОМ. ПОЛИТ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КНИЖНИКА ВНЕШНЕГО СВЯЗЕЙ
ЕНЧІ
Н 891

88
081.59.108
80/20/180

1875

1876

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171
Н 891

НОВАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

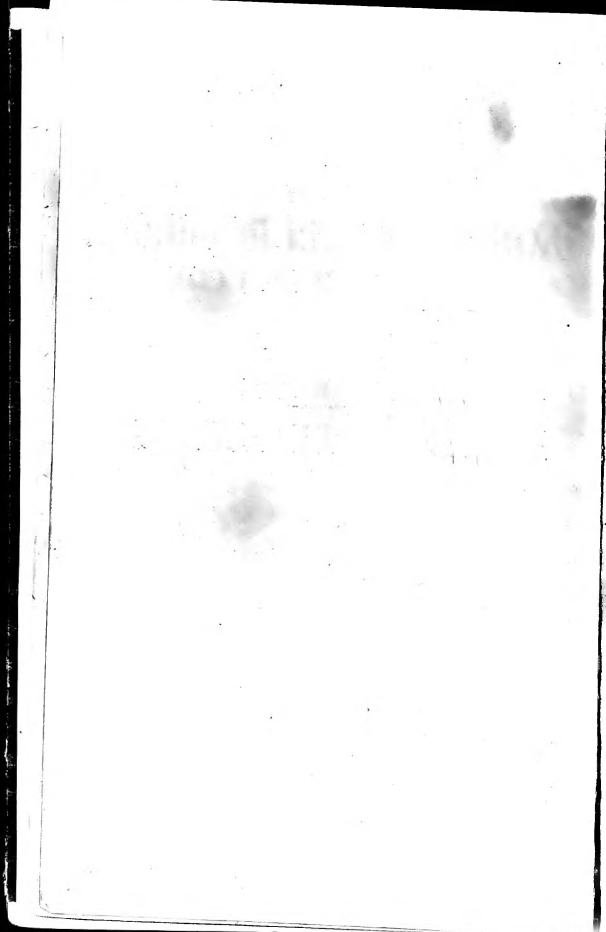
И

ПЕРСПЕКТИВЫ
МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

1923

100
70
Московский комитет Р. К. П. (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

8! : 320
TV-70
Л. ТРОЦКИЙ
*

ЕК 171
Н 891

НОВАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ РОССИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

1923
123

888
04/11

ЕН 171
Н 891

~~1107~~
~~29~~
~~3074~~
~~36~~ с. 1.

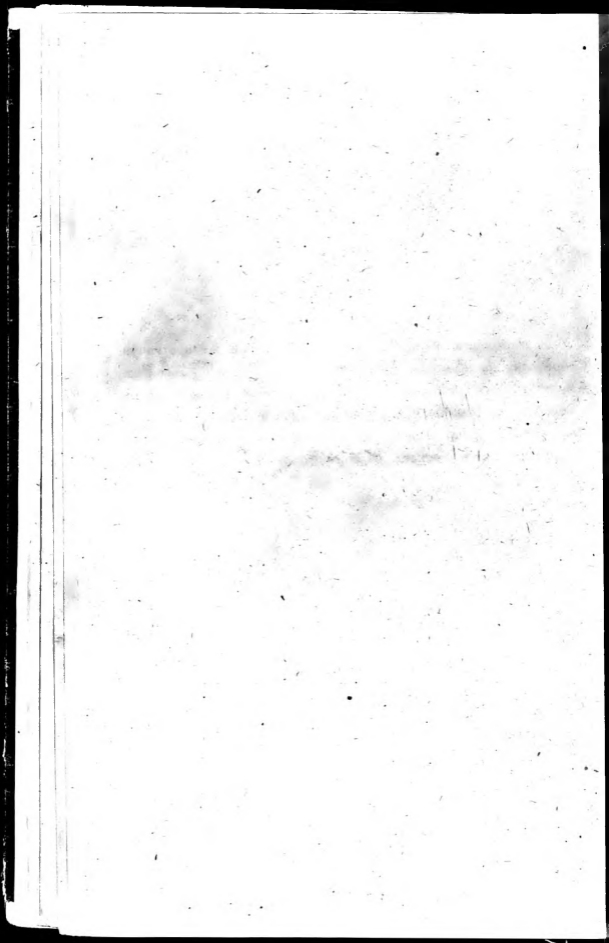
1068870

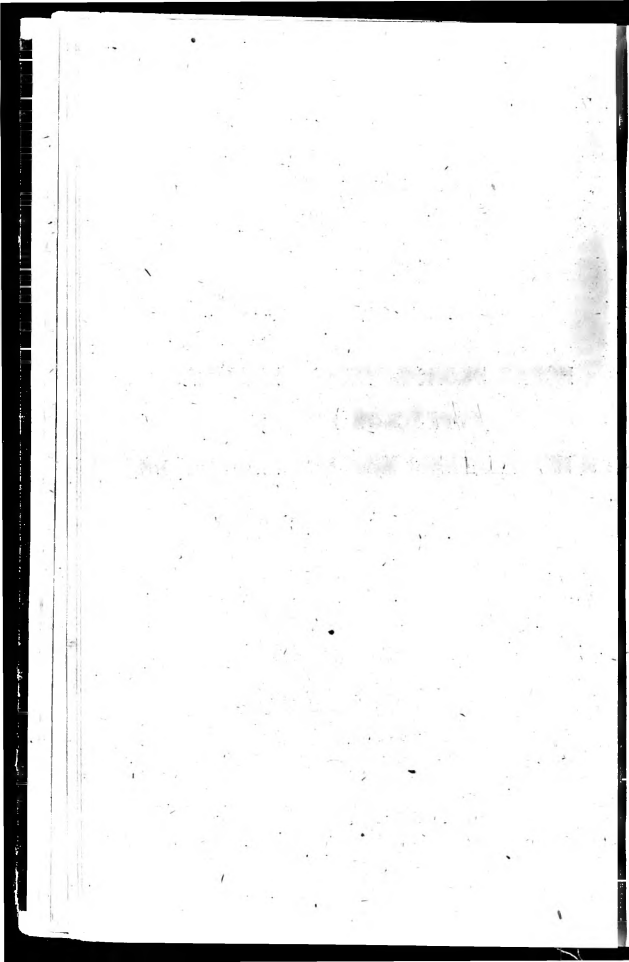
Настоящая книжка представляет собой литературную обработку доклада, сделанного автором на 4-ом конгрессе Коммунистического Интернационала. В качестве приложения мы печатаем: а) статью «Политические перспективы», тесно связанную с заключительной частью доклада, и б) конспективное изложение самого доклада в форме тезисов.

Л. Т.

20—XII—22 г.

**НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ РОССИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Ход гражданской войны.

Основная задача всякой революционной партии—завоевание власти. У 2-го Интернационала эта цель была лишь, говоря на языке идеалистической философии, «регулятивной идеей», т. е. идеей, имеющей мало общего с практикой.

Лишь за последние годы мы стали учиться в международном масштабе ставить завоевание политической власти, как практическую революционную цель. Этому помогла русская революция. Тот факт, что для России мы можем назвать определенный день—25 октября (7 ноября) 1917 г.—когда коммунистическая партия, ставшая во главе рабочего класса, вырвала из рук буржуазии политическую власть, ярче всяких рассуждений доказывает, что для революционеров завоевание власти—не «регулятивная идея», а практическая задача.

7 ноября 1917 г. наша партия встала во главе государства. Это не означало,—и вскоре это обнаружилось с полной отчетливостью,—что гражданская война закончилась. Наоборот, только после октябрьского переворота она и начала у нас развертываться в широком масштабе. Этот факт имеет не только исторический интерес, но служит источником серьезнейших поучений для западно-европейского пролетариата.

Почему это так произошло? Объяснение заключается в культурно-политической отсталости страны, которая только что освободилась от царистского варварства. Крупная буржуазия и дворянство имели некоторый политический опыт, благодаря городским думам, земствам, Государственной Думе и пр. Мелкая буржуазия имела мало политического опыта, а главная масса населения, крестьянство, и того меньше. Таким образом, главные резервы контр-революции—кулацкое, а до некоторой степени и среднее крестьянство—открывались именно в этой наиболее аморфной среде. И только после того, как буржуазия стала вполне понимать, что она теряет с потерей власти, и выдвинула боевое контр-революционное ядро, ей удалось найти доступ к крестьянским и мещанским элементам и слоям, причем руководящие посты буржуазия, по необходимости, уступила наиболее реакционным элементам из среды высшего дворянского офицерства. В результате, гражданская война развернулась по-настоящему только после

октябрьского переворота. И мы расплачивались неисчислимыми жертвами гражданской войны за ту легкость, с которой завоевали власть 7 ноября 1917 г. В более старых в капиталистическом смысле и более культурных странах положение будет несомненно глубоко отличным. Там народные массы войдут в революцию гораздо более оформленными в политическом отношении. Правда, ориентация отдельных слоев и групп пролетариата, а тем более мелкой буржуазии, будет еще сильно колебаться и изменяться, но эти изменения будут происходить все же более систематически; сегодняшней день будет более непосредственно вытекать из вчерашнего. Буржуазия на Западе готовится к отпору заранее, она более или менее знает те элементы, на которые ей придется опереться, и она строит свои контр-революционные кадры заранее. Мы это видим в Германии, мы это наблюдаем, хотя и не так отчетливо, во Франции; и, наконец, в наиболее законченной форме—в Италии, где после незавершенной революции мы имеем завершенную контр-революцию, не без успеха использовавшую некоторые приемы и методы революции.

Что это значит? Это значит, что застигнуть европейскую буржуазию врасплох, как мы застигли русскую, вряд ли удастся. Европейская буржуазия умнее, дальновиднее, времени она не теряет. Все, что можно поставить на ноги против нас, она мобилизует уже сейчас. Таким образом, революционный пролетариат встретит на своем пути к власти не только боевые авангарды контр-революции, но и ее важнейшие резервы. Только разбив, дезорганизовав и деморализовав эти силы врага, пролетариат захватит государственную власть. Но зато после пролетарского переворота у побежденной буржуазии уже не окажется тех мощных резервов, из которых она могла бы черпать материал для продления гражданской войны. Другими словами, после завоевания власти европейский пролетариат будет, по всей вероятности, иметь значительно большую свободу действий для своего хозяйственного и культурного строительства, чем имели мы на другой день после переворота. Чем труднее и суровее будет борьба за государственную власть, тем меньше эта власть будет оспариваться у пролетариата после его победы.

Это общее положение надо расчленить и конкретизировать по отношению к разным странам, в зависимости от их социальной структуры и от их очереди в процессе революции. Совершенно очевидно, что, чем в большем числе стран пролетариат опрокинул буржуазию, тем более сокращаются родовые муки революции для остальных стран, и тем меньше будет у побежденной буржуазии искушения начинать борьбу за власть,—особенно, если пролетариат покажет, что в этих вопросах он шутить не любит. А он, разумеется, покажет это. И здесь он сможет вполне использовать пример и опыт рус-

ского пролетариата. Мы делали ошибки в разных областях, в том числе, разумеется, и в политике. Но в общем и целом, мы дали европейскому рабочему классу недурной пример решительности, твердости и, когда нужно было, беспощадности в революционной борьбе. А такая беспощадность и есть высшая революционная гуманность—уже потому, что, обеспечивая успех, она сокращает тяжелый путь кризиса. Гражданская война была не только военным процессом,—разумеется, она была, с позволения почтенных пацифистов, в том числе и тех, которые по недоразумению блуждают еще в наших коммунистических рядах, — она была и военным процессом, но не только военным, а и политическим, и даже политическим прежде всего. Методами войны развертывалась борьба за политические резервы,—то-есть, прежде всего, за крестьянство. Долго колебавшееся между буржуазно-помещичьим блоком, услуживавшей этому блоку «демократией» и революционным пролетариатом, крестьянство в решающую минуту, когда приходилось делать последний выбор, неизменно становилось на сторону пролетариата и поддерживало его—не демократическими избирательными бюллетенями, а продовольствием, лошадьми и оружием. Это и решило нашу победу.

Таким образом, роль крестьянства в русской революции огромна. Роль эта будет велика и в других странах, например, во Франции, где крестьянство составляет еще ббльшую половину населения. Но ошибаются те товарищи, которые полагают, что крестьянство способно играть в революции самостоятельную руководящую роль, так сказать, на равных правах с пролетариатом. Если мы победили в гражданской войне, то не только и не столько благодаря правильности нашей военной стратегии, сколько благодаря правильности стратегии политической, которая неизменно лежала в основе наших военных операций в гражданской войне. Мы ни на минуту не забывали, что основная задача для пролетариата заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство. Однако делали это мы не по-эс-эровски. Те, как известно, прельщали крестьян самостоятельной демократической ролью, а затем выдавали их с головой помещику. Мы же твердо знали, что крестьянство—колеблющаяся масса, неспособная в целом на самостоятельную и, тем более, руководящую революционную роль. Решительностью своих действий мы ставили крестьянские массы в необходимость выбирать между революционным пролетариатом, с одной стороны, и помещичьим офицерством, стоявшим во главе контр-революции, с другой. Если б не было этой решительности с нашей стороны в уничтожении демократического средостения, крестьянство путалось бы и колебалось между разными лагерями и оттенками «демократии»,—и революция неизбежно погибла бы.

Демократические партии и, в первую голову, социал-демократия,—нет сомнения, что и в Западной Европе дело будет обстоять так же,—были всегда загонщиками контр-революции. Наш опыт на этот счет имеет исчерпывающий характер. Вы знаете, товарищи, что несколько дней тому назад Красная армия заняла Владивосток. Этим замыкается длинная цепь фронтов гражданской войны за истекшее пятилетие. По поводу взятия красными Владивостока известный вождь либеральной партии, Милюков, пишет в своей парижской газете несколько историко-философских строк, которые я готов назвать классическими. Он дает—в статье от 7 ноября—краткое изображение глупой, постыдной, но фатальной роли демократических партий. Читаю: «Эта печальная история—она всегда была печальной! (С м е х)—начинается с торжественного заявления о полном единодушии антибольшевистского фронта. Меркулов (глава дальне-восточной контр-революции) признал, что «несоциалисты» (т.е. черносотенные элементы) своей победой были в значительной степени обязаны демократическим элементам. Но поддержка демократии—продолжает Милюков—была использована Меркуловым только для низвержения большевиков. После этого власть перешла к тем элементам, которые, в сущности, смотрели на демократию, как на скрытых большевиков».

Эти строки, которые я заранее назвал классическими, могут показаться банальными. В самом деле, они только повторяют то, что марксисты говорили не раз. Но вспомните, что это говорит либерал Милюков—после шести лет революции. Вспомните, что он подводит итог политической роли русской демократии на широкой арене: от Финского залива и до Тихого океана. Так было с Колчаком, с Деникиным, с Юденичем, так было во время английских, французских и американских оккупаций, так было во время петлюровщины на Украине. На всех наших окраинах повторялось одно и то же утомительно-монотонное явление: демократия (меньшевики и эс-эры) загоняет крестьянство в объятия реакции, последняя захватывает власть, обнаруживает себя во всю, отталкивает от себя крестьян, после чего следует победа большевиков. У меньшевиков открывается глава покаяния. Но не надолго—до первой okazji. Затем та же самая история повторяется в каком-нибудь другом углу театра гражданской войны: сперва измена, потом полупокаяние. И хотя эта механика крайне проста и достаточно, казалось бы, скомпрометирована, все-таки можно предсказать, что социал-демократы повторят ее во всех странах, в период наивысшего обострения борьбы пролетариата за власть. Первая задача революционной партии рабочего класса во всех странах это—беспощадная решительность, когда вопрос переходит на поле гражданской войны.

Условия социалистического строительства.

После завоевания власти, задача строительства, прежде всего—хозяйственного, встает, как центральная и вместе с тем труднейшая. Разрешение этой задачи зависит от причин разного порядка и разной глубины: во-первых, от уровня производительных сил, и в частности от соотношения между индустрией и крестьянским хозяйством; во-вторых, от культурного и организаторского уровня рабочего класса, завоевавшего государственную власть; в-третьих, от политической ситуации международной и внутренней: побеждена ли буржуазия окончательно или еще сопротивляется,—имеют ли место иностранные военные интервенции,—саботирует ли техническая интеллигенция и пр. и пр.

По относительной важности эти условия социалистического строительства должны быть расположены в таком порядке, в каком мы их привели. Самое основное из условий—это уровень производительных сил; потом следует культурный уровень пролетариата; и наконец — политическая или военно-политическая ситуация, в какую попадает пролетариат, овладев властью. Но это последовательность логическая. А практически—рабочий класс, взявши власть, прежде всего сталкивается с политическими затруднениями. У нас это были белогвардейские фронты, интервенции и пр. Во вторую очередь пролетарский авангард сталкивается с затруднениями, вытекающими из недостаточности культурного уровня широких рабочих масс. И только в третью очередь его хозяйственное строительство упирается в пределы, поставляемые наличным уровнем производительных сил.

Свою работу у власти наша партия вела почти все время под давлением потребностей гражданской войны, и историю хозяйственного строительства Советской России за пять лет ее существования нельзя понять, если к ней подходить только с точки зрения экономической целесообразности. К ней нужно подходить прежде всего с мерилom военно-политической необходимости и во вторую уже очередь—с мерилom хозяйственной целесообразности.

Экономическая разумность вовсе не всегда совпадает с политической необходимостью. Если на войне мне угрожает опасность нашествия белой гвардии, я взрываю мост. С точки

зрения отвлеченной экономической целесообразности это варварство, а с точки зрения политической—это необходимость. И я буду глупец и преступник, если во-время не взорву моста. Хозяйство наше в целом мы перестраивали, в первую очередь, под давлением необходимости военного ограждения власти рабочего класса. Из элементарной школы марксизма мы знаем, что из капиталистического общества нельзя попасть в социалистическое одним прыжком, и никто из нас не истолковывал в таком механическом смысле известные слова Энгельса о прыжке из царства необходимости в царство свободы; никто не думал, что, овладев властью, можно в одну ночь переделать общество. Энгельс на самом деле имел в виду целую эпоху революционных преобразований, которая во всемирно-историческом масштабе означает действительный «прыжок». Но с точки зрения практической работы, это не прыжок, а целая система взаимно связанных реформ, преобразований, иногда очень детальных мероприятий. Совершенно очевидно, что с хозяйственной точки зрения экспроприация буржуазии оправдывается постольку, поскольку рабочее государство способно организовать эксплуатацию предприятий на новых началах. Та массовая поголовная национализация, которую мы проводили в 17—18 г.г., совершенно не отвечала только что указанному условию. Организационные возможности рабочего государства чрезвычайно отставали от суммарной национализации. Но суть-то в том, что эту национализацию мы производили под давлением гражданской войны; И не трудно показать и понять, что, если бы мы захотели действовать более осторожно в экономическом смысле, то-есть производить экспроприацию буржуазии с «разумной» постепенностью, то это было бы с нашей стороны крайней политической неразумностью и величайшей неосторожностью. При такой политике мы не имели бы возможности праздновать пятилетнюю годовщину в Москве, в обществе коммунистов всего мира. Нужно воспроизвести в своем сознании все особенности нашего положения, как оно сложилось после 7 ноября 1917 г. Да, если бы мы вступили на арену социалистического развития после победы революции в Европе, у нашей буржуазии душа была бы в пятках, и справиться с ней было бы очень просто. После захвата власти русским пролетариатом она не смела бы и шевельнуться. Мы могли бы в этом случае спокойно прибегать к рукам одни лишь крупные предприятия, предоставляя средним и мелким существовать до поры до времени на частно-капиталистических началах; потом перешли бы к средним предприятиям, строго сообразуясь с организационными и производственными возможностями и потребностями. Такой порядок бесспорно отвечал бы экономической «разумности», но, к несчастью, политическая последовательность событий не считалась с нею и на этот раз. Нужно вообще на-

помнить, что революции сами по себе являются внешним выражением того, что миром отнюдь не управляет «экономическая разумность»; социалистическая революция еще только имеет своей задачей установить господство разума в области хозяйства, а тем самым — и во всех других областях общественной жизни.

Когда мы пришли к власти, капитализм еще стоял на ногах во всем мире (да и по сей день стоит), но наша буржуазия не хотела ни за что верить, что октябрьский переворот — всерьез и надолго: во всей Европе, во всем мире у власти буржуазия, а у нас, в отсталой России — пролетариат!.. Ненавидя нас, русская буржуазия не хотела нас брать всерьез. Первые декреты революционной власти встречались насмешливо: с ними не считались, их не выполняли. Даже газетчики — уж на что трусливые души! — и те не хотели брать всерьез основные революционные мероприятия рабочего правительства. Буржуазии казалось, что все это трагическая шутка, недоразумение. Как же иначе можно было научить нашу буржуазию и ее лакеев уважению к новой власти, как не отнятием у ней собственности? Другого пути не было. Каждая фабрика, каждый банк, каждая контора, лавка, приемная адвоката — были крепостью против нас. Они давали воинствующей контр-революции материальную базу и органическую связь. Банки в тот период почти открыто поддерживали саботажников, выплачивая жалованье бастовавшим чиновникам. Поэтому-то мы и подошли к вопросу не с точки зрения отвлеченной хозяйственной «разумности» (Каутского, Отто Бауэра, Мартова и других политических импотентов), а с точки зрения потребностей революционной войны. Нужно было разгромить врага, отнять у него источники питания, независимо от того, в какой мере поспевала за этим организационная хозяйственная работа. В сфере хозяйственного строительства мы вынуждены были в тот период сосредоточивать свои усилия на самых элементарных задачах: материально поддерживать, хотя бы впроголодь, существование рабочего государства, накормить и одеть Красную армию; отстаивавшую это государство на фронтах, накормить и одеть (это уже во вторую очередь) ту часть рабочего класса, которая оставалась в городах. То примитивное государственное хозяйство, которое — худо ли, хорошо ли — разрешало эти задачи, и получило впоследствии название военного коммунизма.

Военный коммунизм.

Для определения военного коммунизма особенно характерны три вопроса: как добывалось продовольствие,—как распределялось оно,—как регулировалась работа государственной промышленности.

Советская власть застала не вольную торговлю хлебом, а монополию, опиравшуюся на старый торговый аппарат. Гражданская война разрушила этот аппарат. И рабочему государству ничего не оставалось, как создать наспех государственный аппарат для изъятия хлеба у крестьян и сосредоточения его в своих руках.

Распределялось продовольствие почти вне зависимости от производительности труда. Да иначе и быть не могло. Для того, чтобы установить соответствие между работой и платой, нужно иметь несравненно более совершенный аппарат управления хозяйством и большие продовольственные ресурсы. В первые же годы советского режима дело шло, прежде всего, о том, чтобы обеспечить городскому населению возможность не вымереть окончательно с голоду. Это и достигалось путем **N** уравнительного пайка. И изъятие крестьянских излишков и распределение пайков были, в сущности, мерами осажденной крепости, а не социалистического хозяйства. При известных условиях, именно при скором наступлении революции на Западе, переход от режима осажденной крепости к социалистическому режиму был бы для нас, разумеется, чрезвычайно облегчен и ускорен. Но об этом мы еще скажем далее...

→ В чем же состояла сущность военного коммунизма по отношению к промышленности? Всякое хозяйство может существовать и развиваться только при условии известной пропорциональности между различными его частями. Отдельные отрасли промышленности находятся друг по отношению к другу в определенном количественном и качественном соотношении. Необходима известная пропорция между отраслями, производящими предметы потребления, и отраслями, создающими средства производства. Необходима также пропорциональность внутри каждой из этих отраслей. Другими словами, материальные средства и живая рабочая сила нации и всего человечества должны быть распределены в известном взаимоотношении между сельским хозяйством и промышлен-

ностью и отдельными отраслями промышленности для того, чтобы возможно было поддержание существования человечества и дальнейшее его развитие.

Как это достигается? При капитализме это достигается через рынок, путем свободной конкуренции, механикой спроса и предложения, игрой цен, сменой периодов под'ема и периодов кризиса. Мы называем этот метод анархическим—и называем верно. Он связан с расхищением большого количества сил и ценностей, посредством периодических кризисов, и приводит неизбежно к войнам, грозящим полной гибелью человеческой культуре. Но этот анархический капиталистический метод в пределах своего исторического действия все же устанавливает относительную пропорциональность между различными отраслями хозяйства, необходимое соотношение, благодаря которому буржуазное общество только и может жить, не задыхаясь и не погибая.

Наше довоенное хозяйство имело свою внутреннюю пропорциональность, устанавливавшуюся игрой капиталистических сил на рынке. Пришла война, которая произвела колоссальные перетасовки во взаимоотношении различных отраслей хозяйства. Как ядовитые грибы, выросли предприятия военной промышленности за счет промышленности общего типа. Затем пришла революция, гражданская война с ее разрушениями, саботаж с его тихой сапой. Какое же мы получили наследство? Хозяйство, в котором сохранились слабые воспоминания о той пропорциональности частей, которая существовала при капитализме, была затем искажена империалистской войной и окончательно добыта гражданской войной,—вот что мы получили в наследство. Какими способами могли мы выходить на дорогу хозяйственного развития?

При социализме хозяйство будет управляться централистически, и, следовательно, необходима пропорциональность отдельных отраслей будет достигаться путем строго соразмерного плана,—конечно, с большой автономией частей, но опять-таки под общенациональным, а затем и мировым контролем. Такой целокупный охват всего хозяйства, такой совершенный социалистический учет, как мы говорим, не может быть создан а priori, умозрительно, канцелярски; он может вырасти только из постепенного приспособления текущего, практического хозяйственного расчета как к наличным материальным ресурсам и возможностям, так и к новым потребностям социалистического общества. Путь этот длинен. С чего же мы могли и должны были начать в 1917—18 году? Капиталистический аппарат—рынок, банки, биржа—был разрушен. Гражданская война была в полном разгаре. Об экономическом соглашении с буржуазией, или хотя бы с частью буржуазии, в смысле предоставления ей известных хозяйственных прав, не могло быть и речи. Буржуазный аппарат упра-

вления хозяйством был разрушен не только в обще-государственном масштабе, но и на каждом отдельном предприятии. Отсюда выростала элементарная жизненная задача: создать хотя бы грубый временный аппарат для того, чтобы из полученного хаотического промышленного наследства извлечь самые необходимые продукты для воюющей армии и для рабочего класса. По существу, это была не хозяйственная задача в широком смысле слова, а военно-промышленная. При содействии профессиональных союзов государство материально овладело промышленными предприятиями и создало крайне громоздкий и неповоротливый централизованный аппарат, который все же позволил обеспечить действующую армию обмундированием и боевыми припасами—в крайне недостаточном количестве, но все же в таком, что мы вышли не побежденными, а победителями из борьбы.

30-е
1933

Вы.

Политика изъятия излишков у крестьян вела неизбежно к сокращению и понижению сельско-хозяйственного производства. Политика уравнительной заработной платы вела неизбежно к понижению производительности труда. Политика централизованного бюрократического руководства промышленностью исключала возможность действительно централизованного и полного использования технического оборудования и наличной рабочей силы. Но вся эта политика военного коммунизма была нам навязана режимом блокированной крепости с дезорганизованным хозяйством и истощенными ресурсами.

Вы спросите, не надеялись ли мы перейти от военного коммунизма к социализму без больших хозяйственных поворотов, потрясений и отступлений, т. е. по более или менее прямой восходящей линии? Да, действительно, в тот период мы твердо рассчитывали, что революционное развитие в Западной Европе пойдет более быстрым темпом. Это бесспорно. И если бы пролетариат овладел в Германии, во Франции, вообще в Европе, властью в 1919 году, то все наше экономическое развитие получило бы совсем другую форму. Маркс писал в 1883 г. Николасу Даниэльсоу, одному из теоретиков русского народничества, что, если европейский пролетариат овладеет властью до того, как русская община будет окончательно ликвидирована историей, то в России и община сможет стать исходным пунктом коммунистического развития. И Маркс был совершенно прав. С тем большим правом мы могли принять, что, если европейский пролетариат завоюет власть в 19 году, то он возьмет на буксир нашу отсталую в хозяйственном и культурном смысле страну, поможет нам технически и организационно и, таким образом, даст нам возможность, путем исправления и изменения методов нашего военного коммунизма, придти к действительному социалистическому хозяйству. Да, мы на это надеялись. Наша политика

никогда не опиралась на преуменьшение революционных возможностей и перспектив. Наоборот, как живая революционная сила, мы всегда стремились раздвинуть эти возможности, исчерпать их до конца. Это, г.г. Шейдеманн и Эберты накануне революции отрицают революцию, не верят в нее и готовятся стать императорскими министрами; революция застигает их врасплох, они беспомощно барахтаются, а затем, при первой okazji, превращаются в орудие контр-революции. Что касается господ из 2½ Интернационала, то они в тот период особенно старались отличаться от 2-го Интернационала: они провозгласили наступление революционной эпохи и признали диктатуру пролетариата. Разумеется, у них это было только на словах. При первом отливе вся эта междуумочная дрянь вернулась под кров Шейдемана. Но самый факт образования 2½ Интернационала свидетельствовал о том, что революционная перспектива Коммунистического Интернационала, и в частности нашей партии, вовсе не была «утопична» — не только с точки зрения общей тенденции развития, но и с точки зрения темпа.

Чего не хватало революционному пролетариату после войны — так это революционной партии. Социал-демократия спасла капитализм, т.е. отсрочила на годы час его гибели или, еще точнее, продлила его агонию, ибо нынешнее существование капиталистического мира есть не что иное, как затянувшаяся агония.

Но, во всяком случае, этим фактом были созданы для Советской Республики и ее хозяйственного развития наименее благоприятные условия. Рабоче-крестьянская Россия очутилась в кольце экономической блокады. С Запада к нам шла не техническая и организационная помощь, а одна военная интервенция за другой. И после того, как обнаружилось, что в военном смысле мы выйдем победителями, стало ясно, что в хозяйственном смысле нам придется еще в течение продолжительного времени рассчитывать на свои собственные средства и силы.

„Новая экономическая политика“.

Отсюда выросла необходимость—от военного коммунизма, т. е. от чрезвычайных мер, имевших задачей поддержать хозяйственную жизнь осажденной крепости, перейти к такой системе мероприятий, которая обеспечивала бы постепенный подъем производительных сил страны, даже и без содействия социалистической Европы. Военная победа, которая была бы невозможна без военного коммунизма, в свою очередь позволила от мер военной необходимости перейти к мерам хозяйственной целесообразности. Таково происхождение так называемой **новой экономической политики**. Ее часто называют отступлением, и мы сами так ее называем—и с известным основанием. Но, чтобы правильно оценить, в чем, собственно, это отступление состоит, чтобы понять, как мало это отступление похоже на «капитуляцию», нужно отдать себе отчет в нынешнем нашем хозяйственном положении и в тенденциях его развития.

В марте 1917 года был низвергнут царизм. В октябре рабочий класс взял в руки власть. Почти вся земля, национализированная государством, была передана крестьянам. Обрабатывающие эту землю крестьяне обязаны ныне платить государству определенный натуральный налог, который является существенным вкладом в дело социалистического строительства. Рабочее государство владеет всей железнодорожной сетью, всеми промышленными предприятиями и, за второстепенными исключениями, ведет на этих предприятиях хозяйство за собственный счет. Вся система кредита сосредоточена в руках государства. Внешняя торговля составляет государственную монополию. Каждый, кто способен трезво и без предвзятости оценить эти результаты пятилетнего существования рабочего государства, должен будет сказать: да, для отсталой страны это весьма большой социалистический успех.

Особенность однако в том, что этот успех был достигнут не путем непрерывного прямолинейного развития, а зигзагообразным движением: сперва у нас был режим «коммунизма», затем мы открыли ворота рыночным отношениям. Этот поворот в политике стал трактоваться в буржуазной печати, как отказ от коммунизма и капитуляция перед капитализмом.

Незачем говорить, что социал-демократы раз'ясняют, углубляют и комментируют эту версию. Нельзя, однако, не признать, что кое-кто даже из числа наших друзей впадал в сомнение: нет ли тут действительно скрытой капитуляции перед капитализмом? Нет ли, действительно, опасности, что на основе восстановленного нами свободного рынка капитализм будет развиваться все больше и больше и возьмет верх над начатками социализма? Чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, нужно предварительно устранить основное недоразумение. В корне не верно, будто экономическое развитие Советской России идет от коммунизма к капитализму. Коммунизма у нас не было. Не было у нас социализма и не могло быть. Мы национализировали дезорганизованное хозяйство буржуазии и установили, в самый острый период борьбы не на жизнь, а на смерть,—режим потребительского «коммунизма». Победив буржуазию на поле политики и войны, мы получили возможность приступить к хозяйству и оказались вынуждены восстановить рыночные формы взаимоотношений между городом и деревней, между отдельными отраслями промышленности и между отдельными предприятиями.

Без свободного рынка крестьянин не находит своего места в хозяйстве, теряет стимул к улучшению и расширению производства. Только мощное развитие государственной промышленности, ее способность обеспечить крестьянина и его хозяйство всем необходимым, подготовит почву для включения крестьянина в общую систему социалистического хозяйства. Технически эта задача будет разрешена при помощи электрификации, которая нанесет смертельный удар сельскохозяйственной отсталости, варварской изолированности мужика и идиотизму деревенской жизни. Но путь к этому лежит через улучшение хозяйства нынешнего крестьянина-собственника. Этого рабочее государство может достигнуть только через рынок, пробуждающий личную заинтересованность мелкого хозяина. Первые результаты уже сейчас налицо. Деревня в этом году дает рабочему государству, в виде натурального налога, гораздо больше хлеба, чем государство получало во время военного коммунизма путем изъятия излишков. В то же время сельское хозяйство, несомненно, идет вверх. Крестьянин доволен,—а без нормальных отношений между пролетариатом и крестьянством социалистическое развитие в нашей стране невозможно.

Но новая экономическая политика вытекает не только из взаимоотношений между городом и деревней. Она является необходимым этапом в развитии государственной промышленности. Между капитализмом, когда средства производства составляют собственность частных лиц, и все экономические отношения регулируются рынком,—и между законченным со-

циализмом, который ведет плановое общественное хозяйство, имеется ряд переходных ступеней; и НЭП, по существу, является одной из них.

Рассмотрим этот вопрос на примере железных дорог. Именно железнодорожный транспорт является той областью, которая в наибольшей степени подготовлена для социалистического хозяйства, так как железнодорожная сеть была и у нас в большей своей части национализирована еще при капитализме и условиями самой техники централизована и до известной степени нормализована. Большую половину дороги мы получили от государства, меньшую — экспроприировали у частных обществ. Подлинно социалистическое управление должно, конечно, рассматривать всю сеть, как целое, то-есть не с точки зрения собственника той или другой железнодорожной линии, а с точки зрения интересов всего транспорта и всего хозяйства страны. Оно должно распределять паровозы или вагоны между отдельными линиями так, как это требуется интересами хозяйственной жизни в целом. Но перейти к такому хозяйству даже и в централизованной области железнодорожного транспорта не так просто. Тут открывается ряд посредствующих экономических и технических этапов. Паровозы бывают различных типов, потому что они строились в разные времена, разными обществами и на разных фабриках, причем разные паровозы ремонтируются одновременно в одних и тех же мастерских и наоборот: однородные паровозы — в разных мастерских. Капиталистическое общество, как известно, расточает громадное количество рабочей силы, по причине излишнего разнообразия, анархической пестроты составных частей своего производственного аппарата. Необходимо, стало быть, разбить паровозы по типам и распределить их между железными дорогами и мастерскими. Это будет первым серьезным шагом на пути к нормализации, т. е. к достижению технической однородности паровозов и их составных частей. Нормализация, как у нас не раз говорилось, и говорилось справедливо, есть социализм техники. Без нормализации техника не достигнет своего высшего расцвета. А где же и начинать нормализацию, как не на железных дорогах? И мы, действительно, приступили к этой задаче, но тотчас же натолкнулись на большие препятствия. Железнодорожные линии, при том не только частные, но и государственные, производили свой расчет со всеми остальными хозяйственными предприятиями при помощи рынка. Экономически это было, при данной системе хозяйства, неизбежно и необходимо, потому что содержание и развитие той или другой линии зависит от того, насколько она оправдывается хозяйственно. Приносят ли данная линия пользу хозяйству, это можно установить только через посредство рынка, — до тех пор пока мы не выработали методов всеобщего социали-

стического учета хозяйства; а эти методы, как сказано, могут явиться только в результате продолжительного опыта работы, на основе национализированных средств производства.

Итак, старые способы хозяйственной проверки ходом гражданской войны были устранены прежде, чем успели создаться новые. При этих условиях, вся железнодорожная сеть оказывалась формально объединенной, но каждая часть этой сети отрывалась от всей остальной хозяйственной среды и повисала в воздухе. Рассматривая сеть, как самодовлеющее техническое целое, объединяя железнодорожный и вагонный парки всей сети, централистически сортируя паровозы и централизуя ремонт, т. е. преследуя абстрактный, технически-социалистический план, мы рисковали окончательно утратить всякий контроль над нужностью или ненужностью, выгодностью или невыгодностью каждой отдельной дороги и всей сети в целом. Какие линии развернуть, а какие сократить, какой подвижной состав и какой рабочий персонал нужен на данной линии, сколько грузов может провезти государство для своих нужд, какую часть провозной способности оно должно предоставить для нужд других организаций и частных лиц, все эти вопросы—на данном историческом основании—не могут разрешиться иначе, как путем установления платы за провоз, правильной бухгалтерии и правильной коммерческой калькуляции. Только на основе бухгалтерского балансирования различных частей железнодорожной сети, в сочетании с таким же балансированием других отраслей хозяйства, мы придем к выработке методов социалистического учета и нового хозяйственного плана. Отсюда вытекает необходимость и после перехода всех дорог в руки государства—предоставить отдельным железнодорожным линиям или группам их хозяйственную самостоятельность, в смысле их приспособления ко всем остальным хозяйственным предприятиям, от которых они зависят, или которые ими обслуживаются. Одних абстрактно-технических планов и формально-социалистических целей недостаточно для того, чтобы перевести железнодорожное хозяйство с капиталистических рельс на социалистические. В течение определенного—и притом продолжительного—времени рабочему государству, даже для управления железнодорожной сетью, приходится пользоваться капиталистическими методами, то-есть методами рынка.

Сказанное относится с еще большей очевидностью к промышленным предприятиям, которые и в отдаленной степени не были при капитализме так централизованы и нормализованы, как железные дороги. После ликвидации рынка и системы кредита каждый завод походил на телефонный аппарат с отрезанными проводами. Военный коммунизм создал бюрократический суррогат хозяйственного объединения. Машиностроительные заводы на Урале, в Донецком бассейне, в

Москве, в Петрограде и проч. оказались об'единенными в ведении единого Главка, который централистически распределял между ними топливо, сырье, техническое оборудование, рабочую силу, поддерживая последнюю при помощи системы уравнительного пайка. Совершенно очевидно, что такое бюрократическое управление совершенно нивелировало особенности каждого предприятия и уничтожало самую возможность проверки производительности его и выгодности, даже если бы учетные данные Главка отличались большей или меньшей точностью, чего, на самом деле, не было и в помине.

Для того, чтобы каждое предприятие стало составной клеточкой единого социалистического организма, планомерно функционирующего, нужна большая переходная работа рыночного хозяйствования, которая займет долгий ряд лет. И в течение этой переходной эпохи каждое предприятие и каждая группа предприятий должны в большей или меньшей степени самостоятельно ориентироваться на рынке и проверять себя через рынок. В этом и состоит смысл новой экономической политики: если политически на первый план выпятилось ее значение в качестве уступки крестьянству, то **никак не меньше** ее значение, как неизбежного этапа в развитии государственной промышленности при переходе от капиталистического хозяйства к социалистическому.

Итак, для регулирования промышленности рабоче государство прибегает к методам рынка. Рынок нуждается во всеобщем эквиваленте. Этот эквивалент имеет у нас, как вы знаете, довольно жалкий вид. Тов. Ленин уже говорил о наших усилиях добиться некоторой стабилизации рубля и о том, что эти усилия не остались совсем безуспешными. Очень поучительно, что, вместе с восстановлением рынка, восстанавливаются и фетишистские явления в области хозяйственного мышления,—в том числе и у многих коммунистов, поскольку они выступают не как коммунисты, а как торговцы на рынке. Наши предприятия, как вы, разумеется, знаете, страдают от недостатка средств. Откуда их взять? Ясно откуда: из под пресса. Достаточно увеличить эмиссию, чтобы двинуть в ход ряд фабрик и заводов, ныне затихших. «Взамен ваших несчастных бумажек, которые вы так скаречно отпускаете,—так говорят иные товарищи,—мы вам дали бы через несколько месяцев полотно, обувь, гайки и другие прекрасные предметы». Совершенно очевидна фальшь этого рассуждения. Недостаток оборотных средств свидетельствует только о том, что мы бедны, и что для расширения производства нам нужно пройти стадию первоначального социалистического накопления. Наша бедность—в хлебе, в угле, в паровозах, в квартирах и проч.—получает теперь форму недостатка оборотных средств потому, что мы перевели хозяйство на основу рынка. Тяжелая промышленность при этом с завистью ука-

зывает на успехи легкой. Что это значит? Это значит, что при начинающемся оживлении хозяйства наличные ресурсы направляются, в первую голову, туда, где они всего нужнее и неотложнее,—то-есть, в те отрасли, где производятся продукты личного или хозяйственного потребления рабочих и крестьян. Предприятия этого типа делают сейчас хорошие дела. При этом на рынке государственные предприятия конкурируют друг с другом и отчасти с частными, которые, как увидим, очень малочисленны. Только таким образом национализированная промышленность научается работать как следует быть; другим путем этой цели достигнуть нельзя: ни априорным хозяйственным планом, выситенным в канцелярии, ни отвлеченной коммунистической проповедью. Нужно, чтобы каждая государственная фабрика, ее технический директор, ее коммерческий директор подвергался контролю не только сверху—со стороны государственных органов, но и снизу—со стороны рынка, который в течение еще длительного периода остается регулятором государственного хозяйства. По мере того, как государственная легкая промышленность, упрочиваясь на рынке, начинает приносить государству доход, создаются оборотные средства для тяжелой промышленности. Разумеется, это не единственный источник государства. У него есть и другие: натуральный налог, взимаемый с крестьянина, налоги на частную промышленность и торговлю, таможенные доходы и проч.

Финансовые затруднения нашей промышленности имеют, следовательно, не самодовлеющий характер, а вытекают из всего процесса возрождения хозяйства. Если бы наш финансовый комиссариат попытался, путем расширения эмиссии, пойти навстречу каждому промышленному предприятию, рынок неизбежно изверг бы избыточную эмиссию, прежде чем нетерпеливые заводы успели бы выбросить на рынок новые продукты; другими словами, рубль потерпел бы такое падение, что покупательная сила этой удвоенной или утроенной эмиссии была бы ниже покупательной силы наличных сейчас денег. Государство, конечно, не зарекается от новых эмиссий, но они должны производиться в соответствии с реальным хозяйственным процессом и с таким расчетом, чтоб они в каждом данном случае увеличивали покупательную силу государства и тем содействовали первоначальному социалистическому накоплению. Государство не отказывается, с своей стороны, целиком от планового хозяйства, т. е. от сознательных и властных поправок к работе рынка. Но оно исходит при этом не из априорного учета, не из отвлеченной и крайне неточной плановой гипотезы, как при военном коммунизме, а из фактической работы того же рынка, одним из орудий проверки которого является состояние валюты и централизованной системы государственного кредита.

Силы и средства двух лагерей.

Куда же ведет нас НЭП: к капитализму или к социализму? Это, разумеется, центральный вопрос. Рынок, свободная торговля хлебом, конкуренция, аренда, концессии,—что все это влечет за собою? Если дать чорту палец, то не придется ли дать ему и руку, и плечо, а в конце концов, и все тело? Уже сейчас мы наблюдаем частный капитал в области торговли, особенно на путях между городом и деревней. Частный торговый капитал у нас во второй раз проходит стадию первоначального капиталистического накопления в то время, как рабочее государство продлевает период первоначального социалистического накопления. Раз частный торговый капитал возрастает, он стремится неизбежно проникнуть и в промышленность. Государство сдает частным предпринимателям заводы и фабрики. Накопление частного капитала происходит уже, следовательно, не только в торговле, но и в индустрии. Не окажется ли, что господа эксплуататоры—спекулянты, торговцы, арендаторы, концессионеры—будут становиться все сильнее и сильнее под крышей рабочего государства, будут овладевать все большей частью национального хозяйства, рассасывая через посредство рынка элементы социализма, а затем, в известный момент, завладеют и государственной властью? Ибо мы знаем это не хуже самого Отто Бауэра, что экономика есть базис, а политика—надстройка. Не означает ли все это в действительности, что НЭП является переходом к капиталистической реставрации?

Отвечая абстрактно на столь абстрактно поставленный вопрос, пельзти, разумеется, отрицать, что опасность капиталистической реставрации не исключена, как вообще не исключена опасность временного поражения в процессе борьбы. Когда мы воевали с Колчаком и Деникиным, за спиною которых стояла Антанта, опасность нашего поражения была весьма возможна, и Ка, тский благочестиво ждал этого со дня на день. Но мы, считаясь с теоретической возможностью поражения, практически ориентировали нашу политику на победу. Соотношение сил, во всяком случае, не исключало нашей победы. К этому соотношению сил мы прибавили твердую волю и правильную стратегию. И мы победили. И сейчас тоже идет борьба между теми же врагами: рабочим государством и

капитализмом, но не на военном поле, а на хозяйственной арене. Если во время гражданской войны Красная армия, с одной стороны, а белая—с другой, боролись за влияние на крестьян, то сейчас борьба идет между государственным капиталом и частным за крестьянский рынок. В борьбе надо, по возможности, полно и точно учитывать силы и средства—противника и свои. Как же обстоит дело на этот счет?

Важнейшее наше средство в хозяйственной борьбе на основе рынка—государственная власть. Только реформистские дурачки могут не понимать значения этого орудия. Буржуазия понимает прекрасно. Это доказывает вся ее история.

Другим орудием в руках пролетариата являются важнейшие производительные силы страны: весь железнодорожный транспорт, вся добывающая промышленность, подавляющее большинство предприятий обрабатывающей промышленности находится в непосредственном хозяйственном заведывании рабочего класса.

Ему же, рабочему государству, принадлежит земля, и крестьянин вносит за нее сотни миллионов пудов в год натурального налога.

В руках рабочей власти—государственная граница: иностранные товары, вообще, иностранные капиталы могут получить доступ в страну в тех пределах, в каких это признает желательным и допустимым рабочее государство.

Таковы орудия и средства социалистического строительства.

У противника есть, разумеется, возможность накапливать, хотя бы и при рабочей власти,—пользуясь прежде всего свободной торговлей хлебом. Торговый капитал может проникать и уже проникает в промышленность, берет в аренду предприятия, получает с них доход, нарастает. Все это совершенно бесспорно. Но каковы количественные соотношения борющихся сил? Какова динамика этих сил? В этой области, как и в других, количество переходит в качество. Если бы в руки частного капитала попали важнейшие производительные силы страны, тогда о социалистическом строительстве не могло бы быть, разумеется, и речи, и дни рабочей власти были бы сочтены. Как велика эта опасность? Насколько она близка? Ответить на этот вопрос могут только факты и цифры. Мы приведем наиболее важные и необходимые.

Наша железнодорожная сеть, протяжением в 63.000 верст, с числом рабочих и служащих, превышающим 800.000, составляет целиком и полностью собственность государства. Никто не станет отрицать, что железнодорожная сеть представляет собою очень важный, во многих отношениях решающий фактор хозяйства, и этого фактора мы из рук не собираемся выпускать.

Возьмем теперь область промышленности. И ныне, при новой экономической политике, все промышленные предприятия без исключения составляют собственность государства. Правда, некоторые из этих предприятий сдаются в аренду. Но каково соотношение между теми предприятиями, где государство хозяйничает за собственный счет, и теми, которые оно сдает в аренду? Это соотношение видно из следующих цифр: за государственный счет работает свыше 4.000 предприятий, занимающих в общем до 1.000.000 рабочих; в аренду сдано несколько менее 4.000 предприятий, занимающих всего на всего около 80.000 рабочих. Это значит, что на государственном предприятии в среднем работает 207 рабочих, а на сданном в аренду—17 рабочих. Объясняется это тем, что в аренду сданы второстепенные и, главным образом, третьестепенные предприятия легкой промышленности. Но и сданные в аренду только немногим более, чем наполовину (на 51%), находятся в эксплуатации частных капиталистов: остальные же арендаторы—отдельные государственные органы и кооперативы, берущие у государства промышленные предприятия на договорных началах. Другими словами, около 2.000 наиболее мелких предприятий, занимающих тысяч 40—50 рабочих, эксплуатируются частным капиталом, противостоящим 4.000 наиболее могущественных и наиболее оборудованных предприятий, занимающих около 1.000.000 рабочих и эксплуатируемых советским государством. Смешно и нелепо говорить о победе капитализма «вообще», игнорируя эти факты и цифры. Разумеется, арендные предприятия конкурируют с государственными и, рассуждая отвлеченно, можно сказать: если бы на арендных предприятиях хозяйство велось очень хорошо, а на государственных—очень плохо, то, по истечении значительного числа лет, частный капитал вросал бы в себя государственный капитал. Но пока что до этого еще далеко.

[1] Контроль над хозяйственным процессом—в руках государственной власти, а эта власть—в руках рабочего класса. Восстановив рынок, рабочее государство, разумеется, ввело ряд правовых изменений, необходимых для того, чтобы обеспечить возможность рыночного оборота. Постольку, поскольку эти законодательные и административные реформы открывают возможность капиталистического накопления, они являются косвенными, но очень важными уступками буржуазии. Но использовать эти уступки наша новая буржуазия может лишь в меру своих экономических и политических ресурсов. Экономические ее ресурсы мы видели: они более чем скромны. Политические ее ресурсы равны нулю. И мы стараемся, чтобы в политической области у нее не было никакого «накопления». Не забудьте, что кредитный и налоговый аппарат находится в руках рабочего государства и представляет собой очень важное орудие в борьбе между государственной промышленностью и частной.

Правда, в области торговли роль частного капитала значительнее. Каких-нибудь точных исчислений на этот счет дать пока еще нельзя. По крайне приближительным подсчетам наших кооператоров, частный торговый капитал составляет 30%, а государственно-кооперативный—до 70% торгового оборота. Главная роль частного капитала—в посредничестве между крестьянским хозяйством и промышленностью, а отчасти между разными отраслями промышленности. Но важнейшие промышленные предприятия находятся в руках государства: ключ от внешней торговли—у него же; государство—главный покупатель и продавец на рынке. При этих условиях кооперация может с достаточным успехом конкурировать с частным капиталом—и чем дальше, тем больше. К тому же напоминаем опять, что ножицы фиска очень важный инструмент: они должны своевременно подстригать частно-капиталистическую крону, чтобы она не дорастала до небес.

Теоретически мы всегда утверждали, что пролетариат, после завоевания власти вынужден будет еще в течение длительного времени терпеть на ряду с государственными предприятиями—частные, технически менее совершенные, менее поддающиеся централизации; при этом мы никогда не сомневались, что отношения между государственными и частными предприятиями, а в значительной мере и взаимоотношения между отдельными государственными предприятиями или их группами, будут регулироваться рыночным путем в форме денежного расчета. Но этим самым мы, стало быть, допускали, что, параллельно с процессом социалистической реорганизации хозяйства, будет продолжаться процесс частного капиталистического накопления. Нам, однако, не приходило в голову опасение, что частное накопление обгонит и пожрет рост государственного хозяйства. Откуда же и почему разговоры о неизбежной победе капитализма или об уже происшедшей нашей «капитуляции» перед ним? Только потому, что мы не просто оставили мелкие предприятия в частных руках, а сперва национализировали их и даже попробовали на части из них вести хозяйство за государственный счет, а затем сдали их в аренду. Но как бы ни оценивать этот хозяйственный зигзаг,—как неизбежность, выросшую из всей обстановки, или как тактическую ошибку,—совершенно очевидно, что этот поворот или это «отступление» ничего не меняет в соотношении сил между государственной промышленностью и частно-арендной: на одной стороне—государственная власть, железнодорожная сеть и миллион промышленных рабочих, на другой стороне—около 50.000 рабочих, эксплуатируемых частным капиталом. Где же все-таки основание считать, что в этих условиях победа обеспечена капиталистическому накоплению над социалистическим?

Главные козыри явно на нашей стороне—за исключением одного, очень существенного: за спиной частного капитала.

действующего в России, стоит мировой капитал. Мы все еще живем в капиталистическом окружении. Поэтому можно и должно поставить вопрос, не будет ли наш зарождающийся социализм хозяйничающий еще капиталистическими средствами, закуплен мировым капиталом?

Для такой операции нужны две стороны: та, которая покупает, и другая, которая продает. Власть же у нас — в руках рабочего класса. От него зависят концессии, их предмет и их размеры. Внешняя торговля монополизирована. Европейский капитал пытается пробить в монополии брешь. Но этому не бывать. Монополия внешней торговли имеет для нас принципиальное значение. Она служит одним из средств защиты против капитализма, который, конечно, не прочь бы на известных условиях **скупить** зарождающийся социализм, после того, как он оказался не в силах раздавить его военным путем... Как обстоит дело с концессиями теперь, об этом упоминал здесь тов. Ленин: много дискуссий, мало концессий (С м е х). Чем же это объясняется? Да именно тем, что никакой капитуляции перед капитализмом с нашей стороны нет и не будет. Правда, не раз говорилось и писалось сторонниками восстановления связей с Советской Россией, что мировой капитализм, который переживает величайший кризис, нуждается в Советской России: Англия нуждается в русском рынке, Германия — в русском хлебе и т. д. и т. д. Казалось бы, это совершенно верно, если глядеть на мир пацифистски, то-есть с точки зрения «здорового смысла», который ведь всегда очень пацифичен (С м е х), — почему и остается в дураках. Казалось бы, что английскому капиталу надо бы изо всех сил устремиться в Россию; казалось бы, что французская буржуазия должна бы сюда направить немецкую технику, чтобы создать, таким образом, новые источники для уплаты германской контрибуции. Но этого не происходит. Почему? Потому, что мы живем в эпоху полного нарушения капиталистического равновесия, в эпоху пересекающихся кризисов — экономических, политических, военных, — в эпоху неустойчивости, неизвестности и постоянной тревоги. Это не дает возможности буржуазии вести политику, рассчитанную на большой период, ибо такая политика немедленно превращается в уравнение со слишком большим числом неизвестных. Торговый договор с Англией был в конце концов подписан. Но это произошло уже года полтора тому назад; на деле же мы покупаем у Англии только на золото, а концессии до сих пор в процессе обсуждения.

Если бы европейская буржуазия и в первую голову английская считала, что установление широкого сотрудничества с Россией может **немедленно** же внести серьезные улучшения в хозяйственное положение Европы, Ллойд-Джордж и компания, несомненно, довели бы дело в Генуе до другого

результата. Но они понимают, что сотрудничество с Россией не может внести немедленно больших и резких изменений. В несколько недель и даже месяцев русский рынок не уничтожит английской безработицы. Россия может лишь постепенно войти в хозяйственную жизнь Европы и мира все возрастающим фактором; по своим размерам, по своим естественным богатствам, по численности населения и особенно по ее пробужденной революцией активности, Россия может стать важнейшей хозяйственной силой Европы и мира, но не сразу, не завтра, а лишь в течение ряда лет. Она могла бы стать могущественным покупателем и поставщиком, если бы получила сейчас кредиты, а, следовательно, и возможность ускорить свое экономическое развитие. Через пять, через десять лет она стала бы для Англии первостепенным рынком. Но надо для этого, чтобы английское правительство верило, что через 10 лет оно будет существовать, и что английский капитал будет через десять лет достаточно силен, чтобы удерживать за собой русский рынок. Другими словами, политика действительного экономического сотрудничества с Россией может быть лишь политикой на широкой основе. Но вся суть в том, что послевоенная буржуазия уже неспособна вести политику большого масштаба. Она не знает, что несет ей завтрашний и тем более послезавтрашний день. И это есть один из признаков ее исторического конца.

Этому, правда, как бы противоречит тот факт, что Лесли Уркарт пытался заключить договор на целых 99 лет. На самом деле, тут противоречие лишь мнимое. Расчет Уркарта простой и в своем роде безошибочный: если капитализм сохранится в Англии и во всем мире в течение 99 лет, то Уркарт сохранит свои концессии и в России. А если пролетарская революция разразится не через 99 лет и даже не через 9 лет, а гораздо ранее? Разумеется. Россия не станет таким местом, где экспроприированные собственники всего мира сохраняют свою собственность. Но кому приходится терять голову, тот по волосам не плачет...

Еще в то время, когда мы впервые предлагали долгосрочные концессии, Каутский сделал вывод, что мы не верим в скорое наступление пролетарской революции. Теперь он прямо должен заключить, что мы отсрочиваем революцию по меньшей мере на 99 лет. Такой вывод, вполне достойный этого почтенного, но несколько помятого теоретика, был бы однако, неосновательным. На самом деле, подписывая ту или другую концессию, мы берем на себя ответственность только за наше законодательство и за нашу администрацию по отношению к этой концессии, но никак не за работу мировой революции. Эта последняя переступит через кое-какие большие препятствия—не только через наши концессионные договоры.

Мнимую «капитуляцию» советской власти перед капитализмом социал-демократы выводят не из анализа фактов и цифр, а из общих мест,—нередко из употребляемого у нас по отношению к нашему государственному хозяйству термина «государственный капитализм». Я не считаю этот термин ни точным, ни вообще счастливым. Тов. Ленин уже подчеркнул в своем докладе необходимость употреблять этот термин в кавычках, т. е. пользоваться им с величайшей осторожностью. Это крайне необходимое указание, ибо не у всех эта осторожность налицо. А в Европе этот термин был совсем ложно понят, даже отчасти и в коммунистической среде. Многим кажется, что наша государственная промышленность есть подлинный государственный капитализм, в общепринятом у марксистов значении этого слова. Это, конечно, не так. Если это и «государственный капитализм», то в таких больших кавычках, что они должны быть больше самого термина. Почему? Совершенно ясно: при употреблении этого термина нельзя игнорировать классовую природу государства.

Не мешает напомнить, что самый этот термин социалистического происхождения. Жорес и за ним все вообще французские реформисты говорили о «последовательной социализации демократической республики». На это мы, марксисты, отвечали, что, пока власть в руках буржуазии, социализация—не есть социализация, и приведет она не к социализму, а только к государственному капитализму. Другими словами, индивидуальная собственность отдельных капиталистов на отдельные фабрики, железные дороги и пр. будет заменена коллективной собственностью той буржуазной фирмы, которая зовется государством, на целую группу предприятий, железных дорог и т. д. Поскольку у власти буржуазия, постольку она в целом через посредство государственного капитализма эксплуатирует пролетариат,—как отдельный буржуа. при помощи индивидуальной собственности, эксплуатирует «своих» рабочих. Таким образом, термин «государственный капитализм» был выдвинут, или, во всяком случае, полемически употреблялся революционными марксистами против реформистов, с той целью, чтобы выяснить и показать, что действительная социализация начинается только после завоевания власти рабочим классом. Реформисты, как известно, всю свою программу строили на реформах. Мы, марксисты, никогда не отрицали социалистических реформ. Но мы говорили, что эпоха социалистических реформ начнется только после завоевания власти пролетариатом. В этом было разногласие. Теперь власть в России в руках рабочего класса. Важнейшая промышленность в руках рабочего государства. Здесь нет классовой эксплуатации, значит, нет и капитализма, хотя на лицо его формы. Промышленность рабочего государства есть по тенденциям своего развития социалистическая

промышленность, но для своего развития она пользуется методами, созданными капиталистическим хозяйством и еще далеко нами не изжитыми.

При подлинном государственном капитализме, то-есть при власти буржуазии, рост государственного капитализма означает обогащение буржуазного государства, усиление его могущества над рабочим классом. У нас рост государственной советской промышленности означает рост самого социализма, непосредственное усиление могущества пролетариата.

Что принципиально новые хозяйственные явления развиваются в старой оболочке, это мы в истории наблюдали не раз, притом в самых разнообразных комбинациях. Когда в России начинала развиваться промышленность, еще при крепостном праве, начиная с петровских времен и позже, заводы и фабрики, созданные по тогдашнему европейскому образцу, строились на крепостных началах, т. е. к ним, в качестве рабочей силы, приписывались крепостные крестьяне (заводы эти назывались possessionsными заводами). Капиталисты Строгоновы, Демидовы и пр., владельцы этих предприятий, развивали капитализм в крепостной оболочке. Так и социализм делает неизбежно первые свои шаги в капиталистической оболочке. Перейти к законченным социалистическим методам нельзя путем прыжка через собственную голову, особенно если она не очень вымыта и причесана, как наша российская, не в обиду нам будь сказано. Надо еще учиться и учиться.

Критерий производительности труда.

Есть, однако, важный, в сущности основной вопрос для определения жизнеспособности общественного режима,—мы его еще до сих пор совершенно не касались,—это вопрос о производительности хозяйства, и не о производительности индивидуального труда только, но о производительности всего хозяйственного режима в целом. Историческое восхождение человечества в том и состоит, что режим, обеспечивающий более высокую производительность труда, сменяет режим с низкой производительностью. Если капитализм сменил собою старое феодальное общество, то только благодаря тому, что при господстве капитала человеческий труд более производителен. И социализм победит капитализм вполне и окончательно только потому и только тем, что обеспечит гораздо большее количество продуктов на единицу человеческой рабочей силы. Можем ли мы уже сейчас сказать, что наши государственные предприятия работают более производительнее, чем они работали при капиталистическом режиме? Нет, этого еще нет. Не только американцы, англичане, французы или немцы работают на своих капиталистических фабриках лучше, производительнее, чем мы,—это имело место и до революции,—но мы сами работали до революции лучше, чем работаем сейчас. Это обстоятельство на первый взгляд может показаться очень грозным, с точки зрения оценки советского режима. Наши буржуазные враги, а за ними, разумеется, и социал-демократические критики, всемерно используют против нас факт низкой производительности нашего хозяйства. Французский представитель Кольра в Генуе в ответ Чичерину с буржуазной наглостью заявил, что советская делегация вообще-де не имеет права высказываться по экономическим вопросам, в виду того хозяйственного состояния, в котором находится ныне Россия. Этот довод представляется на первый взгляд очень победоносным: но на самом деле он свидетельствует только о чрезвычайном историческом и экономическом невежестве. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы могли уже сегодня не теоретическими аргументами, выводимыми нами из опыта, а материальными аргументами обнаружить преимущества социализма, т. е. показать, что наши заводы и фабрики, благодаря более централизованной и упорядоченной организации, дают более высокую производительность труда, чем та-

кие же предприятия капиталистических стран или, по крайней мере, чем те же предприятия до революции,—но этого нет, этого пока не может быть, этого нельзя достигнуть так скоро. То, что мы имеем сейчас—это не социализм, противостоящий капитализму, а тяжкий процесс перехода от одного к другому и притом лишь первые наиболее мучительные шаги этого перехода. Перефразируя известные слова Маркса, можно сказать, что мы страдаем от того, что у нас еще есть многочисленные остатки капитализма и только начатки социализма.

Да, производительность труда у нас уменьшилась, благосостояние пало. В сельском хозяйстве урожай последнего года составляет примерно $\frac{3}{4}$ среднего урожая до войны. В промышленности дело обстоит еще более печально: мы имеем в этом году приблизительно $\frac{1}{4}$ довоенной продукции. Транспорт производит около $\frac{1}{3}$ довоенной работы. Факты эти очень печальны. Но разве иначе обстояло дело при переходе от феодального общества к буржуазному? Капиталистическое общество, богатое, хвляющееся своим богатством и своей культурой, возникло тоже из революции, притом чрезвычайно разрушительной. Об'ективная историческая задача: создать условия для более высокой производительности труда—была в конце концов разрешена буржуазной революцией, точнее, рядом революций. Но каким путем? Путем чрезвычайных опустошений и временного упадка материальной культуры. Возьмем пример той же самой Франции. Разумеется, г. Кольра, в качестве буржуазного министра, не обязан знать истории своего горячо любимого отечества. Но мы-то историю Франции и ее революции знаем. Возьмем ли реакционера Тэна или социалиста Жореса, мы найдем у них достаточно ярких фактов, характеризующих ужасающее состояние Франции после революции. И так велик был размах опустошений, что после 9-го термидора, т. е. на пятом году революции, нищета не ослабевала, а, наоборот, продолжала усугубляться. На десятом году французской революции, когда Наполеон Бонапарт был уже первым консулом, Париж, насчитывавший в то время подмиллиона душ населения, получал в день от 300 до 500 мешков муки, тогда как ему для голодного существования нужно было 1.500 мешков, и первый консул изо дня в день следил за количеством поступающих мешков. Это было—не забывайте!—на десятом году после начала Великой Французской Революции. К этому времени население Франции уменьшилось—от голода, эпидемий и войн—в 37 департаментах из 58. Незачем говорить, что английские Кольра и Пуанкарэ той эпохи с величайшим презрением относились к разоренной Франции.

Что это все значит? Да только то, что революция очень жестокий и неэкономный способ разрешения вопроса. Но дру-

того способа история не выдумала. Революция открывает двери новому политическому строю, но она достигает этого путем разрушительной катастрофы. А у нас, к тому же, революция предшествовала войне. Мы не в 10-м году революции — не забывайте и этого! — а в начале 6-го года, и напирала революция поглубже французской, которая заменила только одну форму эксплуатации другой формой, тогда как мы заменяем общество, построенное на эксплуатации, обществом, основанным на солидарности. Сотрясение очень большое, разрушения очень велики, разбитой посуды очень много, — и то, что сейчас прежде всего бросается в глаза, это издержки революции. Что же касается величайших завоеваний революции; то они реализуются только постепенно, в течение лет и десятилетий.

Как раз в последние дни мне подвернулась под руку одна речь, имеющая отношение к интересующему нас вопросу: это речь французского химика Бертело, сына знаменитого Бертелло. В качестве делегата академии наук, он высказал недавно следующую мысль (цитирую по газете «Тан»): «Во все периоды истории, как в области наук, так и в области политики и социальных явлений, вооруженным конфликтам всегда принадлежала грандиозная и страшная привилегия ускорять зарождение новых времен кровью и железом». Разумеется, г. Бертелло имеет в виду прежде всего войны, но в основе он все же прав, потому что и войны, поскольку они служили делу революционного класса, давали громадный толчок историческому развитию; поскольку же они (а это происходило гораздо чаще) служили делу угнетателей, они нередко давали толчок движению угнетенных. В еще большей мере слова Бертелло относятся к революции. «Вооруженные конфликты» между классами, приносящие великие разрушения, знаменуют в то же время «зарождение новых эпох». Стало быть издержки революции не ложные расходы (не *faux frais*, как говорят французы). Нужно только не требовать процентов до истечения срока. И мы просим наших друзей подождать еще 5 лет, чтобы в 10-м году революции, т. е. в том году, когда Наполеон подсчитывал кули для голодного Парижа, мы могли доказать превосходство социализма над капитализмом в экономической области не умозрениями, а материальными фактами. И мы надеемся, что первые убедительные факты к тому времени будут уже налицо.

Но нет ли все же на пути к этим будущим успехам опасности капиталистического перерождения нашего режима — именно вследствие крайне печального состояния промышленности в настоящий момент? Крестьянство собрало в этом году, как мы уже сказали, около $\frac{3}{4}$ довоенного урожая. Промышленность же дала всего $\frac{1}{4}$ довоенной производительности. Тем самым соотношение между городом и деревней чрезвы-

чайно нарушено, притом в ущерб городу. Государственная промышленность при этих условиях не сможет дать крестьянину эквивалентного продукта за его хлеб, и крестьянские излишки, выброшенные на рынок, станут основой частно-капиталистического накопления. Разумеется, в основе своей это рассуждение правильно: рыночные отношения, с какими бы целями мы их ни восстановили, имеют свою логику. Но здесь опять-таки важно установить правильные количественные соотношения. Если бы крестьянство выбрасывало весь свой урожай на рынок, это грозило бы, при ослаблении промышленности в четыре раза, тягчайшими последствиями для социалистического развития. Но на самом деле крестьянство производит, главным образом, для собственного потребления. Сверх этого оно уплачивает в настоящем году государству свыше 350.000.000 пудов продовольственного налога. Только излишки сверх собственного потребления и сверх налога выбрасываются им на рынок. А это вряд ли многим больше 100.000.000 пудов в нынешнем году, причем значительная, если не значительнейшая часть этих ста миллионов закупается кооперацией или государственными учреждениями. Таким образом, государственная индустрия противостоит не всему крестьянскому хозяйству в целом, а лишь той его, незначительной пока, части, которая выбрасывается на рынок. Только эта часть (или, вернее, часть этой части) становится источником частно-капиталистического накопления. В дальнейшем эта часть будет, несомненно, расти. Но параллельно будет расти и производительность объединенной государственной промышленности. И нет решительно никаких оснований думать, что рост государственной промышленности будет отставать от селско-хозяйственного подъема. Мы сейчас увидим, что мудренейшая и глубокомысленнейшая критика господ теоретиков усопшего 2½ Интернационала основана, главным образом, на неведении или непонимании элементарнейших экономических отношений России, как они складываются в конкретной обстановке пространства и времени.

О социал-демократической критике.

К нашему 4-му юбилею, то-есть год тому назад, Отто Бауэр посвятил нашему хозяйству брошюру, в которой он говорит о нашей новой экономической политике в корректно-прилизанной форме все то, что с пеной у рта излагают обычно наши более темпераментные враги из социал-демократического лагеря. Во-первых, новая экономическая политика есть «капитуляция перед капитализмом», но тем то именно она и хороша, по Бауэру, тем то она и реалистична (эти господа реалистичность всегда видели и видят в том, чтобы при первом подходящем случае стать на колени перед буржуазией). В конечном своем результате, поучает нас Бауэр, русская революция не может привести ни к чему иному, как к буржуазно-демократической республике, и он, Бауэр, предсказал это уже, видите ли, в 1917 г. Однако, мы помним, что в 1919 г. «предсказания» этих плачевных героев 2½ Интернационала, звучали несколько иначе. Тогда они говорили о крушении капитализма и наступлении социально-революционной эпохи. Но никакой дурак не поверит, что, если во всем мире капитализм приближается к гибели, то в революционной России, где властвует рабочий класс, должен еще только начаться период капиталистического расцвета! Итак, в 1917 г., когда Отто Бауэр еще сохранял девственную австро-марксистскую веру в неизбежность капитализма и габсбургской монархии, он писал, что русская революция может привести только к созданию буржуазного государства. Но социалистический оппортунизм всегда импрессионистичен в политике. Застигнутый врасплох революцией и захлебываясь в ее волнах, он в 1919 году признал: это крушение капитализма, это начало социально-революционной эпохи! Но так как теперь, слава богу, волны революции снова отхлынули, то наш мудрец спешно возвращается к своему пророчеству от 1917 г.; ибо, как мы уже знаем, у него, к счастью, два пророчества наготове, и он может использовать их по желанию (С м е х). Далее Бауэр рассуждает так: «Мы видим, таким образом, что возрождается капиталистическое хозяйство (в России); капиталистическое хозяйство, над которым властвует новая буржуазия, опирающаяся на миллионы крестьянских хозяйств; к ней, к этой буржуазии, поневоле должны приспособляться законодатель-

ство и управление государством». Вы видите теперь, что представляет собой наша Советская Россия? Уже год тому назад этот господин заявлял, что хозяйство и государство находятся у нас под властью новой буржуазии. Это сдача в аренду предприятий, плохо оборудованных и занимающих, как я вам рассказывал, около 50 тысяч рабочих—против миллиона рабочих в лучших государственных предприятиях,—есть «капитуляция советской власти перед промышленным капиталом»!

Чтобы дать этим столь же нелепым, сколь и наглым утверждениям надлежащую историческую оправу, Бауэр утверждает: «после долгих колебаний советское правительство решилось теперь, наконец (!!), признать иностранные долги царского правительства». Словом: одна капитуляция за другой!..

Так как не все товарищи, разумеется, помнят в точности нашу историю, то я напомним, что еще 4 февраля 1919 г. мы сделали всем капиталистическим правительствам следующие предложения по радио: 1) признание долговых обязательств России; 2) отдача в залог нашего сырья, в качестве гарантии уплаты займов и процентов; 3) предоставление концессий—по их вкусу; 4) территориальные уступки в форме военной оккупации некоторых областей вооруженными силами Антанты или ее русских агентов.

Все это мы предложили капиталистическому миру радиотелеграммой от 4 февраля 1919 г. в обмен за то, чтоб нас оставили в покое. А в апреле того же года мы повторили наши предложения еще подробнее и точнее неофициальному американскому уполномоченному—как его звали, этого парня? (С м е х)... да, Буллит... Так вот, товарищи, если сравнить эти предложения с теми, которые были отвергнуты нашими представителями в Генуе и Гааге, то станет очевидным, что на этом пути мы двигались не в направлении расширения уступок, а наоборот, в направлении более твердого отстаивания наших революционных завоеваний. Сейчас мы никаких долгов не признали; никакого сырья не даем и не собираемся давать в залог; очень сдержанны в вопросе о концессиях; и уж во всяком случае не согласны терпеть никаких оккупационных войск на нашей территории! Кое-что изменилось с 1919 года...

Мы уже слышали от Отто Бауэра, что все это развитие ведет к «демократии». «Снова подтверждается,—поучает нас ученик Каутского и учитель Мартова,—что за переворотом в области экономического базиса должен последовать и переворот во всей политической надстройке». Совершенно верно—между базисом и надстройкой, в общем и целом, существует именно то взаимоотношение, какое указывает Бауэр. Но, во-первых, экономический базис Советской России изменяется не совсем так, как изображает Отто Бауэр, и не совсем так.

как хочет Лесли Уркарт, слово которого в этом вопросе нужно признать, имеет больший вес, чем слово Бауэра. А во-вторых, поскольку экономический базис действительно изменяется в сторону капиталистических отношений, эти изменения происходят таким темпом и в таком масштабе, что мы отнюдь не рискуем потерять политический контроль над этим экономическим процессом.

Под чисто политическим углом зрения вопрос пока-что сводится к тому, что правящий рабочий класс делает те или другие, очень значительные, уступки буржуазии. Но отсюда до «демократии», то-есть до передачи власти в руки капиталистов, еще очень далеко. Для достижения этой цели буржуазии нужен был бы победоносный контр-революционный переворот. А для переворота ей нужны были бы соответствующие силы. В этом отношении мы кое-чему научились на примере самой же буржуазии. В течение всего 19 столетия она только и делала, что чередовала репрессии с уступками в пользу мелкой буржуазии, крестьянства, верхов рабочего класса, нещадно эксплуатируя в то же время трудящиеся массы. Уступки эти имели то политический, то экономический, то комбинированный характер. Но это были всегда уступки со стороны правящего класса, сохранявшего в своих руках государственную власть. Некоторые из ее экспериментов в этой области казались в начале очень рискованными, например, введение всеобщего избирательного права. Маркс назвал законодательное сокращение рабочего времени в Англии победой нового принципа. Какого? Принципа рабочего класса. Но от частичной победы этого принципа до завоевания политической власти английским рабочим классом оказалось, как мы это хорошо знаем, весьма продолжительный путь. Правящая буржуазия отмеряла уступки. Государственная бухгалтерия оставалась в ее руках. Ее правящие политики решали, сколько можно дать не только без опасности для сохранения власти, но наоборот—с выгодой для укрепления буржуазного господства. Мы, марксисты, не раз говорили, что буржуазия исчерпала свою историческую миссию. Между тем, она сохраняет в своих руках власть до сегодняшнего дня. Это значит, что взаимоотношение между экономическим базисом и политической надстройкой вовсе не так прямолинейно. Мы видим, что классовый режим держится в течение десятилетий после того, как он пришел уже в явное противоречие с потребностями экономического развития.

Какие же теоретические основания утверждать, что уступки рабочего государства буржуазным отношениям должны автоматически вести за собой смецу рабочего государства государством капитала? Если верно, что капитализм исчерпал себя в международном масштабе,—а это безусловно верно,—то тем самым утверждается прогрессивная историческая роль

рабочего государства. Уступки, которые делаются рабочим государством буржуазии, представляют собой только компромиссы, вызываемые трудностями развития, но само развитие исторически предопределено и обеспечено. Разумеется, если бы наши уступки развивались без ограничения, умножались, накапливались; если бы мы стали сдавать в аренду все новые и новые группы национализированных промышленных предприятий; если бы мы стали сдавать в концессию важнейшие источники добывающей промышленности или железные дороги; если бы наша политика длилась по наклонной плоскости уступок в течение ряда лет,—перерождение экономического базиса неизбежно привело бы к крушению политической надстройки. Мы говорим о крушении, а не о перерождении, потому что власть из рук коммунистического пролетариата капитал мог бы вырвать не иначе, как в результате ожесточенной и беспощадной гражданской войны. Но кто ставит вопрос так, тот тем самым предполагает жизнеспособность и долговечность господства мировой и европейской буржуазии. К этому все сводится. Социал-демократические теоретики, которые, с одной стороны, признают в воскресных статьях, что капитализм, особенно в Европе, пережил себя и стал тормозом исторического развития, а, с другой стороны, выражают уверенность в том, что эволюция Советской России неизбежно ведет ее к торжеству буржуазной демократии, впадают в самое жалкое и плоское противоречие, вполне достойное этих тупых и чванливых конфузионистов. Новая экономическая политика рассчитана на определенные условия пространства и времени: это маневрирование рабочего государства, живущего еще в капиталистическом окружении и твердо рассчитывающего на революционное развитие Европы. Оперировать в решении вопроса о судьбе Советской Республики с абсолютными категориями капитализма и социализма, которым «адекватны» соответственные политические надстройки,—значит ничего не понимать в условиях переходной эпохи; значит быть схоластом, а не марксистом. Нельзя выключать из политических расчетов такой фактор, как время. Если допустить, в самом деле, что капитализм будет существовать в Европе еще столетие или полстолетия и что Советская Россия должна будет к нему приспособляться в своей хозяйственной политике,—тогда вопрос разрешается сам собою, ибо этим допущением мы заранее предполагаем крушение пролетарской революции в Европе и наступление новой эпохи капиталистического возрождения. На каком таком основании? Если Отто Бауэр в жизни нынешней Австрии открыл чудесные признаки капиталистического воскресения, тогда, что и говорить, участь Советской России предрешена. Но мы пока чудес не видим и в чудеса не верим. С нашей точки зрения, обеспечение власти европейской буржуазии на ряд десятилетий обо-

значало бы в нынешних мировых условиях не новый расцвет капитализма, а хозяйственное гниение и культурный распад Европы. Что такой процесс мог бы увлечь в пропасть и Советскую Россию, этого, вообще говоря, отрицать нельзя. Пришлось ли бы ей при этом проходить через стадию демократии, или она загнила бы в других формах—это уже вопрос второстепенный. Но мы не видим никакого основания становиться под знамя философии Шпенглера. Мы твердо рассчитываем на революционное развитие в Европе. Новая экономическая политика есть только приспособление к темпу этого развития.

Отто Бауэр и сам как бы чувствует, что из тех изменений, которые происходят в нашей экономике, вовсе не так непосредственно вытекает режим демократии. Он поэтому очень трогательно уговаривает нас помочь капиталистическим тенденциям развития против социалистических тенденций. Бауэр говорит: «Воссоздание капиталистического хозяйства не может происходить под диктатурой коммунистической партии. Новый курс в народном хозяйстве требует нового курса в политике». Разве же это не трогательно до слез? Тот самый человек, который столь содействовал экономическому и политическому расцвету Австрии (Смех), убеждает нас: «поймите, ради бога, что капитализм никак не может расцвести под диктатурой вашей партии». Но ведь именно потому то—не в обиду будь сказано всем Бауэрам—мы и сохраняем диктатуру нашей партии (Громкий смех. Одобрение).

Уступки капитализму отмеряет у нас коммунистическая партия, как руководительница рабочего государства. Сейчас в нашей печати ведется широкое обсуждение вопроса о концессии Лесли Уркарта. Сдавать или не сдавать? Дискуссия имеет своей целью выяснить как конкретные материальные условия договора, так и оценить концессию с точки зрения ее места в общей системе советского хозяйства. Не слишком ли велика концессия? Не слишком ли глубоко внедрится капитал через эту концессию в самую сердцевину нашего промышленного хозяйства? Таковы вопросы. Кто их решает? Рабочее государство. Разумеется, НЭП заключает в себе огромную уступку буржуазным отношениям и самой буржуазии. Но размеры этой уступки как раз определяем мы. Мы—хозяева. У нас ключ от двери. Государство есть само по себе огромной важности фактор хозяйственной жизни. И мы ни мало не собираемся выпускать этот фактор из рук.

Мировое положение и революционные перспективы.

Повторяем: пророчества социал-демократов относительно последствий нашей новой экономической политики целиком вытекают из признания безнадежности пролетарской революции в Европе в ближайшую историческую эпоху. Мы не можем помешать этим господам оставаться пессимистами за счет пролетариата и оптимистами за счет буржуазии: в этом и состоит историческое призвание эпигонов 2-го Интернационала. Что касается нас, то мы не имеем оснований подвергать сомнениям или изменениям тот взгляд на мировое положение, который был сформулирован нами в тезисах, одобренных 3-м конгрессом Коминтерна. За истекшие после того полтора года капитализм ни на шаг не приблизился к восставлению своего равновесия, окончательно подорванного войной и ее последствиями. Английский министр иностранных дел, лорд Керзон, очень недурно охарактеризовал мировое положение в речи, которую он произнес 9 ноября, как раз в день рождения Германской республики. Не знаю, успели ли вы прочитать эту речь. Я приведу из нее несколько фраз,—они этого заслуживают:

«Все державы,—говорит Керзон,—вышли из войны слабыми, надломленными силами. Мы (англичане) несем тяжелое иго налогов, которое давит на промышленность страны. У нас множество безработных во всех отраслях труда... Что касается до положения Франции, то эта страна обременена колоссальной задолженностью и не в состоянии добиться репараций... Германия находится в состоянии политической неустойчивости, а ее хозяйственная жизнь надломлена страшным валютным кризисом... Россия все еще находится вне семьи европейских народов, она все еще стоит под знаменем коммунизма — Керзон, значит, не совсем согласен на этот счет с Отто Бауэром (С м е х)—и продолжает свою коммунистическую пропаганду во всех частях мира — что вовсе неверно (С м е х).—Италия,—продолжает Керзон,—пережила много внутренних потрясений и правительственных кризисов—далеко не пережила, а еще только переживает (С м е х)...—Ближний Восток находится в состоянии полного хаоса. Такое положение дел ужасно».

Лучше Керзона вести пропаганду в мировом масштабе не могли бы и мы, русские коммунисты. «Такое положение дел ужасно»—констатирует к 5-му юбилею Советской Республики авторитетный представитель наиболее сильного европейского государства. И он прав: положение ужасно. Из этого ужасного положения—добавляем мы—необходимо выйти. Выход же один: революция.

Мне случилось как-то на вопрос одного итальянского корреспондента о том, как мы оцениваем теперь мировое положение, дать следующий, довольно, впрочем, банальный ответ: буржуазия уже неспособна к власти—что, как мы только что слышали, подтверждает по существу господин Керзон,—рабочий класс еще неспособен захватить власть. Этим определяется злосчастный характер нашей эпохи. Таковы были примерно мои слова. И вот три или четыре дня тому назад я получаю из Берлина от одного из друзей вырезку из одного из последних, предсмертных номеров «Фрейхейт», где, под заголовком: «Победа Каутского над Троцким» (С м е х) говорится о том, что «Роте Фане» не имеет достаточно смелости, чтобы выступить против моей капитуляции перед Каутским, хотя, как вы знаете, товарищи, «Роте Фане» всегда имела достаточно смелости, чтобы выступать против меня,—даже и тогда, когда я бывал прав. Но, впрочем, это относится к 3 конгрессу, а не к 4-му (О д о б р е н и е и с м е х). Итак, я сказал итальянскому журналисту: «Капиталисты уже неспособны, а рабочие еще неспособны к власти, таков характер нашей эпохи». И вот, по поводу этих слов блаженной памяти «Фрейхейт» говорит: «То, что Троцкий высказывает здесь, как с в о й взгляд было до сих пор мнением К а у т с к о г о». Итак, я почти что повинен в плагиате. Это—тяжкое наказание за банальное интервью. Должен вам сказать, что давать интервью не очень привлекательное занятие, и дается у нас интервью не по доброй воле, а по строгому предписанию нашего друга Чичерина. Как видите, и в эпоху новой экономической политики, когда мы отказались от излишнего централизма, кое что остается у нас централизованным: во всяком случае, ордера на интервью централизованы в Комиссариате Иностранных Дел (С м е х). А раз уже приходится давать интервью, то говоришь, конечно, самые плоские вещи, какие только имеешь про запас (С м е х). И признаюсь, в том случае, о котором у нас идет речь, я меньше всего подозревал, что мое замечание на счет межэумочного характера нашей эпохи представляет патентованное изобретение. Теперь оказывается, если верить «Фрейхейт», что духовным отцом этого афоризма является Каутский. Если бы это было верно, то я оказался бы слишком уж строго наказанным за свое интервью. Ибо все, что Каутский теперь говорит или шипит, имеет единственной видимой целью доказать, что марксизм—это одно, а маразм—совсем другое. Да, я конста-

тировал и сейчас констатирую неоспоримый факт, что европейский пролетариат, в нынешнем его состоянии, неспособен сейчас, в данный момент, овладеть властью. Но почему? Да потому именно, что широкие круги рабочего класса не вышли еще из под растлевающего влияния идей, предрассудков и традиций, выражением которых является каутскианство (С м е х) Именно этим, и даже только этим, вызывается сейчас политическая расколотовость пролетариата и его неспособность овладеть властью. Эту простую мысль я и высказал итальянскому корреспонденту. Правда, я не называл при этом Каутского, но только потому, что умные люди и без того должны понять, против кого и против чего направлена моя мысль. Такова моя «капитуляция» перед Каутским.

У Коммунистического Интернационала нет и не может быть причин капитулировать перед кем бы то ни было—теоретически или практически. Тезисы третьего конгресса о мировом положении безусловно правильно охарактеризовали основные черты нашей эпохи, как эпохи великого исторического кризиса капитализма. На третьем конгрессе мы настаивали на необходимости различать большой или исторический кризис капитализма—и малые или конъюнктурные кризисы, составляющие необходимый этап каждого торгово-промышленного цикла. Вы помните, что по этому поводу были большие прения как в комиссии конгресса, так и отчасти в пленуме. Мы защищали против ряда товарищей тот взгляд, что в историческом развитии капитализма нужно строго различать два ряда кривых: о с н о в н у ю—которая знаменует развитие капиталистических производственных сил, рост производительности труда, накопление богатств и пр., и циклическую кривую, характеризующую периодические волны подъема и кризиса, повторяющиеся в среднем каждые девять лет. Соотношение между этими двумя кривыми в марксистской литературе,—да и вообще, насколько знаю, в экономической литературе,—до сих пор совершенно не освещено. Между тем, вопрос имеет колоссальную важность—и теоретическую и политическую.

С середины 90-х годов основная кривая капиталистического развития резко поднимается вверх. Европейский капитализм проходит через свою кульминацию. В 1919 году разразился кризис, который был не только очередным циклическим колебанием, но и началом эпохи длительного экономического застоя. Империалистская война явилась попыткой вырваться из тупика. Попытка не удалась, и глубокий исторический кризис капитализма только обострился. Однако, в пределах этого исторического кризиса неизбежны циклические волны, то-есть кризисы и подъемы, с той, однако, глубокой разницей по сравнению с довоенным периодом, что нынешние циклические кризисы отличаются резко выраженным харак-

тером, тогда как нынешние под'емы имеют гораздо более поверхностный и слабо выраженный характер. В 1920 году начался—на основе общего капиталистического распада—острый циклический кризис. Некоторые товарищи, из так называемых «левых», считали, что этот кризис будет непрерывно углубляться и обостряться до пролетарской революции. Мы же предсказывали неизбежность, в более или менее близком будущем, перелома экономической кон'юнктуры в сторону некоторого улучшения. Более того, мы выражали уверенность, что такого рода перелом кон'юнктуры не только не ослабит революционного движения, а придаст ему, наоборот, новые силы. Жестокий кризис 1920 года, наступивший после ряда революционного движения, а придаст ему, наоборот, новые демократами и ими расколотого, тяжело придушил рабочие массы, временно порождая в их среде настроение выжидательной пассивности и даже безнадежности. В этих условиях улучшение кон'юнктуры неизбежно должно было вызвать повышение самочувствия рабочих масс и оживление классово-вой борьбы. Некоторые товарищи серьезно думали тогда, что в таком прогнозе выражается наклон к оппортунизму и стремление отсрочить революцию на неопределенное время. Отголоски таких наивных взглядов ярко запечатлены в протоколах Иенского с'езда нашей немецкой партии.

Представим теперь себе, товарищи, в каком положении мы все оказались бы сегодня, если бы полтора года тому назад приняли и усыновили эту чисто механическую теорию «левых» о непрерывно обостряющемся торгово-промышленном кризисе! Сейчас ни один здравомыслящий человек не станет отрицать, что перелом кон'юнктуры наступил. В Соединенных Штатах, то-есть в самой могущественной капиталистической стране, мы наблюдаем явный промышленный под'ем. В Японии, в Англии, во Франции улучшение экономической кон'юнктуры несравненно слабее, но самый факт перелома и здесь налицо. Насколько длителен будет под'ем и какой он достигнет высоты—это вопрос другой. Мы ни на минуту не можем забывать, что улучшение кон'юнктуры развертывается на основе мирового и особенно европейского капиталистического распада. Причины этого распада не задеваются кон'юнктурными изменениями рынка. Но с другой стороны, и распад не устраняет кон'юнктурных изменений. Мы были бы вынуждены сегодня подвергнуть новой теоретической проверке наш основной взгляд на революционный характер текущей эпохи, если бы полтора года тому назад мы уступили левым, которые валили в одну кучу исторический кризис капиталистической системы хозяйства и циклические кон'юнктурные колебания рынка и требовали от нас признания того чисто метафизического взгляда, будто кризис при всех и всяких обстоятельствах является революционным фактором. Те-

перь же у нас нет никакого основания подвергать ревизии наши решения. Не потому считали мы нашу эпоху революционной, что в 1920 году острый конъюнктурный кризис сменил фиктивный подъем 1919 года, а на основании нашей общей оценки мирового капитализма и борьбы его основных сил. Для того, чтобы этот урок ни для кого не пропал даром, нам нужно подтвердить полную правильность тезисов третьего конгресса, целиком сохраняющих силу и для нынешнего момента.

Основная идея решений 3-го конгресса такова. После войны массы были охвачены революционным настроением и готовностью к открытой борьбе. Но не было революционной партии, способной вести их к победе. Отсюда поражение революционных масс в различных странах, упадок настроения, пассивность. Сейчас революционные партии существуют во всех странах, но они опираются непосредственно только на часть рабочего класса—точнее сказать, на меньшинство его. Коммунистическим партиям нужно завоевать доверие подавляющего большинства рабочего класса. Убедившись на опыте в правильности, твердости и надежности коммунистического руководства, рабочий класс стряхнет с себя разочарование, пассивность, выжидательность—и тогда откроется эпоха последнего штурма. Как близок этот час? Мы этого не предсказываем. Но задачу сегодняшнего дня 3-й конгресс определил как борьбу за влияние на большинство рабочего класса. С того времени прошло полтора года. Мы сделали, несомненно, крупные успехи. Но задача пока остается той же: нужно завоевать доверие подавляющего большинства трудящихся. Это может и должно быть достигнуто в процессе борьбы за переходные требования под общим лозунгом единого пролетарского фронта.

Сейчас мировое рабочее движение стоит под знаком наступления капитала. Вместе с тем, даже в странах, как Франция, где рабочее движение год-полтора тому назад переживало период удручающего затишья, мы видим ныне несомненный рост готовности рабочего класса к отпору. Стачки во Франции, несмотря на крайне недостаточное руководство, учащаются и принимают крайне напряженный характер, свидетельствующий о возрастающей боеспособности рабочих масс. Отсюда постепенное углубление и обострение классовой борьбы. Наступлению капитала соответствует сосредоточение государственной власти в руках наиболее реакционных элементов буржуазии. Но в то же самое время мы видим, как, идя навстречу обострению классовой борьбы, буржуазное общественное мнение, с молчаливого полусогласия правящих клик, готовится для себя новую ориентацию—влево, в сторону реформистского и пацифистского обмана. Во Франции у власти стоит архи-реакционный националистический

блок, руководимый Пуанкаре, и в то же время систематически подготавливается победа левого блока, который, разумеется, охватит собой и господ социалистов. В Англии сейчас происходят общие выборы. Из-за распада коалиции Ллойд-Джорджа они наступили раньше, чем ожидалось. Сейчас еще неизвестно, кто победит. Может быть, к власти вернется прежняя крайняя империалистская группировка *). Но если она даже и победит, то, вероятно, не надолго. В Англии, как и во Франции, явно подготавливается новая парламентарная ориентировка буржуазии. Методы открыто империалистские, агрессивные—методы версальского мира; Фоша, Пуанкаре, Керзона—явно упираются в тулик. Франция не может получить с Германии того, чего у Германии нет. В свою очередь Франция не может платить своих долгов. Антагонизм Англии и Франции возрастает непрерывно. Америка не хочет отказаться от получения уплаты по долгам. И среди средних и особенно мелко-буржуазных слоев населения накаплиются реформистски-пацифистские настроения: нужно бы договориться с Германией, с Россией, расширить Лигу Наций, смягчить бремя милитаризма, получить заем у Америки и т. д. и т. д. Военно-оборонческие иллюзии, идеи и лозунги национализма, шовинизма, затем надежды на великие плоды побед, словом, иллюзии, которые захватили в странах Антанты и значительную часть самого рабочего класса, сменяются отрезвлением и разочарованием; такова почва для роста левого блока во Франции, так называемой Рабочей партии и независимых либералов—в Англии. Разумеется, никакой серьезной перемены политики от реформистски-пацифистской ориентации буржуазии ждать нельзя. Объективные условия капиталистического мира ныне меньше всего приспособлены для реформизма и пацифизма. Но весьма вероятно, что понадобится еще практическое крушение этих иллюзий, прежде чем станет возможна революционная победа.

Мы говорили до сих пор только об Антанте, но совершенно очевидно, что если бы во Франции у власти стояли радикалы и социалисты, а в Англии рабочие оппортунисты и независимые либералы, это неизбежно вызвало бы в Германии новый прилив соглашательских и пацифистских надежд: с демократическими правительствами Англии и Франции можно-де договориться, можно получить отсрочку по платежам и даже скидку, можно при их содействии получить заем в Америке и пр. А кто же более приспособлен для соглашения с французскими радикалами, социалистами и английскими трудовиками, как не германские социал-демократы?..

Конечно, события могут развернуться и острее. Не исключена возможность того, что репарационная проблема, фран-

*) Победили, как известно, консерваторы.

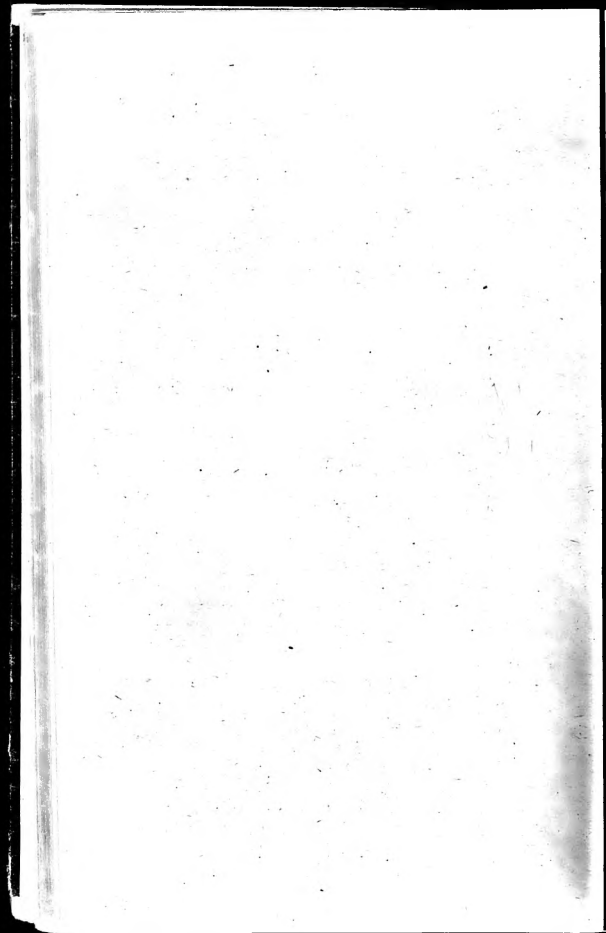
цузский империализм, итальянский фашизм доведут дело до революционной развязки, не дав буржуазии времени выдвинуть вперед свое левое крыло. Но слишком многое говорит за то, что буржуазия вынуждена будет прибегнуть к реформистской и пацифистской ориентировке прежде, чем пролетариат почувствует себя подготовленным для решающего наступления. Это будет означать эпоху европейской керенщины. Конечно, лучше было бы ее миновать: это не очень вкусное блюдо—керенщина, да еще в мировом масштабе. Но выбор исторических путей зависит от нас только до некоторой степени. При известных условиях, мы примем и европейскую керенщину, как приняли в свое время русскую. Наша задача будет состоять в том, чтобы превратить эпоху реформистского и пацифистского обмана в прямое вступление к завоеванию власти революционным пролетариатом. У нас керенщина длилась всего на всего около девяти месяцев. Сколько времени продлится она у вас, если ей суждено вообще наступить? На этот вопрос сейчас, разумеется, нельзя дать ответа. Это зависит от того, как быстро произойдет ликвидация реформистских и пацифистских иллюзий, то-есть в значительной мере от того, с какой ловкостью будут маневрировать ваши Керенские, которые, в отличие от наших, знают, по крайней мере, таблицу умножения. Но это зависит также и от того, с какой энергией, решительностью, гибкостью будет маневрировать наша собственная партия.

Совершенно очевидно, что эпоха реформистски-пацифистских правительств стала бы временем возрастающего натиска рабочих масс. Наша задача состояла бы в том, чтобы овладеть этим натиском, стать во главе его. Но для этого нужно, чтобы наша партия вступила в эпоху пацифистского обмана совершенно очищенной от пацифистских и реформистских иллюзий. Горе той коммунистической партии, которая сама в большей или меньшей степени оказалась бы захлестнута пацифистской волной! Неизбежное крушение пацифистских иллюзий означало бы вместе с тем крушение такой партии. Рабочему классу пришлось бы снова, как это было с ним в 1919 г., искать вокруг себя той партии, которая еще не обманула... Вот почему проверка наших рядов и их очищение от чужеродных элементов является первостепенной нашей задачей в эту эпоху революционной подготовки. Один французский товарищ, именно Фроссар, сказал однажды: «*Le parti c'est la grande amitié*» (партия это великая дружба). Формула эта затем часто повторялась и другими. И действительно, нельзя отрицать, что формула сама по себе очень привлекательная, и в известном смысле каждый из нас готов под ней подписаться. Нужно только твердо помнить, что партия не рождается, как великая дружба, а превращается в великое содружество путем глубокой борьбы, внеш-

ней и, если нужно, внутренней, путем очищения рядов, путем тщательного и, если нужно, беспощадного отбора лучших элементов рабочего класса, беззаветно преданных делу революции. Другими словами, прежде чем стать великим содружеством, партия должна пройти через великий отбор! (Горячие, долго не смолкающие аплодисменты).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Политические перспективы *)

Я очень рад, что статья тов. Фридендера дает мне повод еще раз—и со всей решительностью—выступить против того механического, фаталистического, немарксистского понимания хода революции, которое, несмотря на поистине спасительную работу 3-го конгресса, все еще ютится в некоторых головах, считающих себя, очевидно, левыми.

На 3-м конгрессе мы слышали, что экономический кризис будет непрерывно длиться и обостряться до захвата власти пролетариатом. На это механическое воззрение опирался революционный оптимизм кое-каких «левых». Когда мы объясняли, что конъюнктурные колебания мировой экономики неизбежны, и что нужно их предвидеть и тактически учитывать, этим товарищам казалось, что мы занимаемся чуть ли не пересмотром всей программы и тактики Интернационала. На самом деле, мы занимались только «пересмотром» некоторых предрассудков.

Теперь мы в статье тов. Фридендера, в речи голландского товарища Равенштейна и в кое-каких других заявлениях в речах находим перенесение той же механической, анти-марксистской концепции из экономики в область политики: капитал—говорят нам—наступает политически и экономически, наступление его усиливается, восстание пролетариата явится в известный момент ответом на усугубляющееся наступление капитала,—откуда же взяться новому, хотя бы и краткому, пацифистско-реформистскому периоду?

Чтобы с самого начала и со всей наглядностью вскрыть механичность концепции тов. Фридендера, возьмем пример Италии, где контр-революция достигла апогея. Каков политический прогноз для Италии? Если предположить, что Муссолини удержится в течение продолжительного времени, достаточного для того, чтобы сплотить против себя рабочих города и деревни, дать им время вернуть себе утраченное доверие к своей классовой силе и объединиться вокруг коммунистической партии, то не исключена возможность того, что режим Муссолини окажется непосредственно сметенным режимом

*) Эта статья была впервые напечатана в органе 4-го конгресса Коминтерна «Большевик».

пролетарской диктатуры. Но есть и другая перспектива, по крайней мере столь же вероятная, как и первая. Именно: если режим Муссолини разобьется о внутренние противоречия своей собственной социальной базы и о трудности внутреннего и международного положения раньше, чем пролетариат Италии достигнет такого состояния, какое характеризовало его в сентябре 1920 года, только на этот раз под твердым и решительным революционным руководством,—то совершенно очевидно, что в Италии снова установится промежуточный режим, режим фразы и бессилия, министерство Нитти или Турати, или Нитти—Турати,—словом, итальянская керенщина, которая своим неизбежным, жалким банкротством должна будет окончательно расчистить путь революционному пролетариату. Означает ли эта вторая версия, никак не менее вероятная, чем первая, «пересмотр» программы и тактики итальянских коммунистов? Ничего подобного! Итальянские коммунисты будут вести сегодня и завтра борьбу на почве того режима, который создан победой Муссолини. Раздробленность итальянского пролетариата исключает возможность для наших итальянских товарищей поставить себе сегодня непосредственной задачей низвержение фашизма вооруженной рукой. Тщательно подготавливая элементы будущей вооруженной борьбы, итальянские коммунисты должны в первую очередь развернуть борьбу широкими политическими методами. Непосредственная предварительная задача их, и притом задача огромной важности,—это внесение разложения в плебейскую и, особенно, рабочую часть опоры фашистов и сплочение все более широких масс пролетариата под частными и общими лозунгами обороны и наступления. Инициативной и гибкой политикой итальянские коммунисты могут чрезвычайно ускорить падение фашистов и тем самым вынудить итальянскую буржуазию искать спасения от революции в своих левых козырях: Нитти, а то и сразу—Турати. Что будет для него означать такая смена? Дальнейший распад буржуазного государства, дальнейший рост наступательных сил пролетариата, рост нашей боевой организации, создание условий захвата власти.

Как обстоит дело во Франции? Еще 16-го июня прошлого года в своей речи на заседании расширенного Исполкома я развивал ту мысль, что, если революционные события в Европе и во Франции не наступят раньше, то вся парламентски-политическая жизнь Франции начнет неизбежно кристаллизоваться по оси «левого блока», в противовес ныне господствующему «национальному». Революция за эти полтора года не наступила. И вряд ли тот, кто следит за жизнью Франции, станет отрицать, что за вычетом коммунистов и революционных синдикалистов—политика ее действительно идет по пути

подготовки смены национального блока левым. Правда, Франция стоит целиком под знаком наступления капитала, непрерывных угроз по адресу Германии и проч. Но параллельно с этим нарастают—растерянность буржуазных классов, особенно промежуточных, их разочарование в политике «репараций», их стремление смягчить финансовый кризис сокращением расходов на империализм, их надежды на возобновление сношений с Россией и проч., и проч. Эти настроения захватывают и значительную часть рабочего класса через посредство реформистских социалистов и синдикалистов. Больше того, они захватывают известные элементы нашей собственной партии, одним из примеров чего является поведение недавно исключенного Барабана, который, будучи членом ЦК коммунистической партии, занялся проповедью левого блока. Таким образом, продолжающееся наступление французского капитала и французской реакции нисколько не противоречит тому, что французская буржуазия явно готовится для себя новую ориентировку.

В Англии положение не менее поучительно. Господство либерально-консервативной коалиции сменилось, в результате недавних выборов, господством чисто-консервативным. Явный шаг «направо»! Но, с другой стороны, как раз цифры последних выборов свидетельствуют о том, что буржуазно-соглашательская Англия уже вполне подготовила для себя новую ориентацию—на случай дальнейшего обострения противоречий и нарастания трудностей (а то и другое неизбежно). За консерваторов было подано менее, чем пять с половиной миллионов голосов. За рабочую партию вместе с независимыми либералами—почти семь миллионов. Таким образом, английские парламентские избиратели уже сейчас в большинстве своем отошли от тучных иллюзий империалистской победы к тонким иллюзиям реформизма и пацифизма. Знаменательно, что «Союз демократического контроля», радикально-пацифистская организация, провел в парламент свой комитет в полном составе. Имеются ли серьезные основания думать, что нынешний консервативный режим приведет в Англии непосредственно к диктатуре пролетариата? Мы таких оснований не видим. Наоборот, мы полагаем, что безвыходные экономические, колониальные и международные противоречия нынешней Великобританской империи будут давать большую пищу плебейско-мещанской оппозиции в лице так называемой Рабочей партии. Все говорит за то, что в Англии, больше чем в какой-нибудь другой стране земного шара, рабочий класс, прежде чем перейти к диктатуре, должен будет пройти через стадию рабочего правительства, в лице реформистски-пацифистской Рабочей партии, собравшей уже на последних выборах около 4¼ миллионов голосов.

Но—возражает т. Фридендер—при такой перспективе совершенно устраняется вопрос о Германии. Почему устраняется? Революционная Германия является одним из важнейших факторов европейского и мирового развития, но не единственным. Мы все с чрезвычайным вниманием следим за успехами нашей немецкой партии. Развитие ее вступило в новую эпоху после мартовских событий прошлого года. Сами мартовские события замыкают предшествующую эпоху. Новая эпоха началась с критики мартовских событий, и кто до сих пор не понял смысла и содержания этого нового этапа, тот безнадежен, и о том не стоит серьезно говорить. Германская коммунистическая партия в подавляющем большинстве своем усвоила урок 3-го конгресса и уверенно и твердо растет. Одновременно идет разложение германского хозяйства. В какой момент пересечение этих и других факторов приведет немецкий рабочий класс к захвату власти? Через год? Через полгода? Через два года? Предсказать сроки очень трудно. Если бы Германия стояла изолированно, или только бок-о-бок с Советской Россией, мы в области прогноза стояли бы за полгода — против года и за год — против двух лет. Но существует Франция и маршал Фош, существует Италия, увенчиваемая Муссолини, существует Англия с Бонар-Лоу и Керзоном во главе, еще разворачивается оффензива капитала,—и все эти факторы оказывают могущественное влияние на ход развития революции в Германии. Это не значит, разумеется, что германская коммунистическая партия должна отложить революционно-наступательные действия до тех пор, пока революция не разразится во Франции. От такого рода пошлого оппортунизма,—от стремления иметь революцию со всеми гарантиями, со страховкой на Париж и Лондон,—наши германские товарищи бесконечно далеки. Но совершенно очевидно, что угроза военной оккупации с Запада будет оказывать задерживающее влияние на развитие германской революции до тех пор, пока французская коммунистическая партия покажет, что она способна и готова парализовать такую опасность.

Отнюдь не исключена возможность того, что германская революция разразится прежде, чем во Франции, Англии, Италии произойдет смена нынешних агрессивно-империалистских правительств. Совершенно несомненно, что победа германского пролетариата дала бы могущественный толчок революционному движению во всех странах Европы. Не как под влиянием толчка русской революции к власти в Германии пришел через год Шейдеман, а не Либкнехт, так, под влиянием толчка победоносной пролетарской революции в Германии, в Англии к власти может прийти Гендерсон или Клайнс, а во Франции—Кайо в союзе с Блюмом и Жуо. Этот меньшевистский режим во Франции был бы, при данных

исторических условиях, лишь очень коротким периодом буржуазной агонии. Возможно даже, что во Франции коммунистический пролетариат пришел бы в этом случае к власти непосредственно, через головы меньшевиков. В Англии это менее вероятно. Во всяком случае, эта перспектива предполагает победу революции в Германии в течение ближайших месяцев. Обеспечена ли победа в такой срок? Вряд ли кто-нибудь станет это серьезно утверждать. Во всяком случае было бы грубейшей ошибкой связывать наш прогноз с такой односторонней и условной перспективой. Без прогноза же вообще нет революционной политики широкого размаха. Но прогноз должен быть не механическим, а диалектическим. Он должен учитывать взаимодействие объективных и субъективных исторических сил. А это открывает возможность для нескольких перспектив—в зависимости от того, как это соотношение сил обнаружится в живом историческом действии.

Итак, вряд ли есть основание категорически утверждать, что пролетарская революция в Германии победит раньше, чем внутренние и внешние затруднения во Франции приведут к правительственному и парламентскому кризису. Такой кризис означал бы новые выборы, а новые выборы привели бы к победе левого блока. Этот последний нанес бы тяжкий удар консервативному правительству в Англии, усилил бы оппозицию Рабочей партии и, весьма вероятно, привел бы к парламентскому кризису, к новым выборам и победе Рабочей партии, одной—или в союзе с независимыми либералами. Каково было бы влияние этих событий на внутреннее положение Германии? Германские социал-демократы вышли бы немедленно из своего полуоппозиционного положения, чтобы предложить свои услуги «народу» для восстановления мирных, нормальных и пр. отношений с «великими западными демократиями». В этом смысле я и говорил, что перелом внутренней политики во Франции и Англии, если он произойдет до победы коммунистов в Германии, может на известное время окрылить германскую социал-демократию. Шейдеман может снова придти к власти,—но это будет уже прямым вступлением к революционной развязке. Ибо совершенно очевидно, что бессилие реформистско-пацифистского режима в условиях нынешней Европы обнаружилось бы не в течение лет, а в течение месяцев и недель.

В своей речи по поводу программы, тов. Тальгеймер с полной правильностью напомнил нам снова о тех основных причинах, которые исключают возможность поворота капиталистической политики назад, в сторону манчестерства, пацифистского либерализма и реформизма. Клайнс, Кайо—Блюм или Турати у власти не могли бы по существу вести политику, отличную от политики Ллойд-Джорджа, Бонар-Лоу, Пуанкаре и даже Муссолини. Придут же они к власти, когда

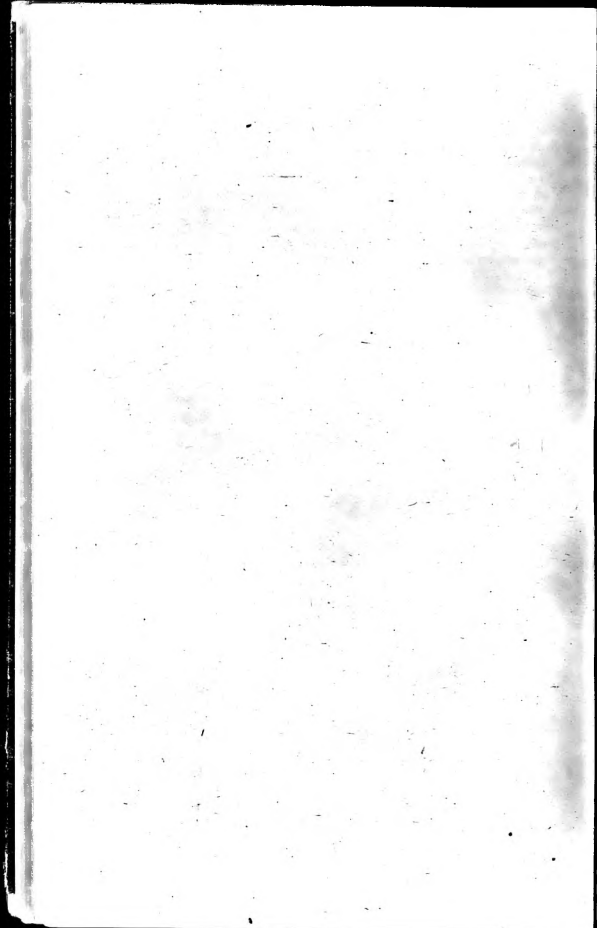
положение буржуазии станет еще труднее, еще безвыходнее, чем теперь. Их полное политическое банкротство,—разумеется, при правильной, т. е. революционной, решительной и в то же время гибкой тактике с нашей стороны,—может раскрыться до конца в самый короткий срок. После иллюзий войны и победы, пацифистские иллюзии и реформистские надежды в разоренной, расстроеной в конец капиталистической Европе могут быть только недолговечными иллюзиями буржуазной агонии.

Тов. Равенстейн готов, повидимому, все это признать, с теми или другими оговорками, для капиталистического племса, но не для капиталистической аристократии, т. е. не для колониальных держав: для Англии, Франции, Бельгии и Голландии перспектива реформистски-пацифистского вступления к пролетарской диктатуре так же не подходит, по его мнению, как и лозунг рабочего правительства. Тов. Равенстейн совершенно прав, связывая лозунг рабочего правительства с тем фактом, что у буржуазии имеется еще в распоряжении реформистски-пацифистский ресурс: не материальный, а идейный, в виде еще сохранившегося влияния буржуазно-реформистских и социал-демократических партий. Но тов. Равенстейн в корне неправ, когда устанавливает какие-то изъятия для колониальных держав. Прежде чем обрушиться на русскую революцию военной силой, Англия послала своего Гендерсона на помощь Бьюкенену, чтобы удержать революцию на «правильном» пути: а нужно сказать, что во время войны Россия была колонией Англии. Точно так же английская буржуазия поступала и по отношению к Индии: она посылала благожелательных и либеральных вице-королей, а затем, вдогонку им, воздушные эскадрильи с динамитом. Развитие революционного движения в колониях, вне всякого сомнения, ускорило бы пршествоие к власти английской Рабочей партии, несмотря на то, что она всегда и неизменно предавала колонии английскому капиталу. Но столь же несомненно, что дальнейшее развитие революционного движения в колониях, параллельно с пролетарским движением в метрополии, опрокинет навсегда мещанский реформизм и его представительницу—Рабочую партию—в историческую могилу.

Тот революционный радикализм, которому для поддержания бодрости духа необходимо игнорировать диалектику живых сил в экономике, как и в политике, и строить свой прогноз карандашом по линейке,—очень неустойчив, очень ненадежен. Достаточно изгиба экономической или политической конъюнктуры, чтобы сбить его с толку. В сущности, в этой левизне скрываются пессимизм и недоверие. Недаром один из критических голосов принадлежит австрийскому коммунисту, а другой—голландскому: обе эти страны пока что

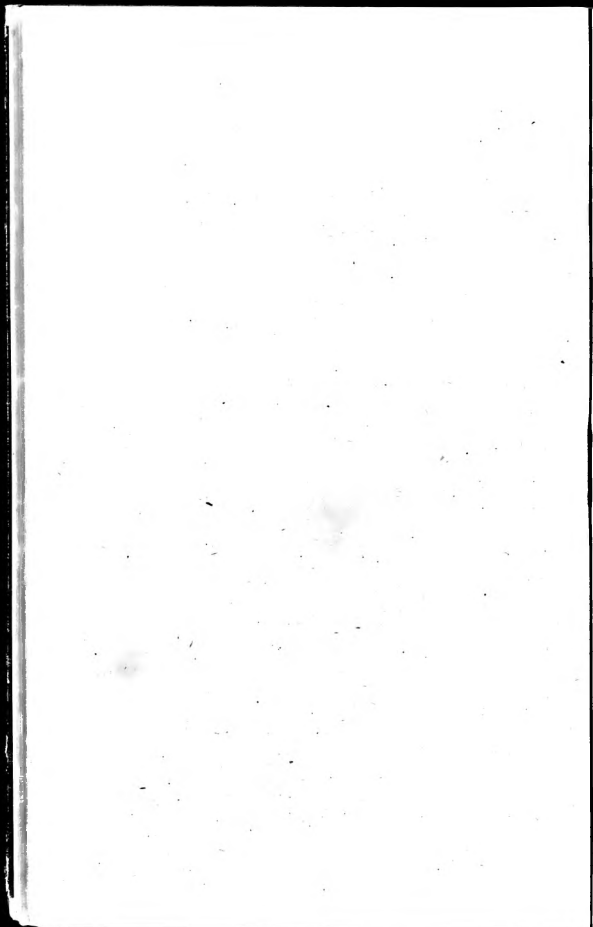
не являются революционными очагами. Действенный оптимизм Коммунистического Интернационала опирается на более широкие и глубокие основания. Буржуазия для нас — не камень, обрушивающийся в пропасть, а живая историческая сила, которая борется, маневрирует, выдвигает то правое, то левое свое крыло. И только при том условии, если мы научимся политически охватывать все средства и методы буржуазного общества, чтобы реагировать на них каждый раз без колебания и промедления, нам удастся приблизить момент, когда мы одним уверенным движением действительно сбросим буржуазию в пропасть.

**ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Хозяйственное состояние Советской России

с точки зрения социалистической революции *).

1. Вопрос о путях хозяйственного развития Советской России должен быть оценен и понят сознательными рабочими всего мира, как с точки зрения судеб первой в мире рабочей республики, ее прочности, устойчивости, повышения ее благосостояния, ее приближения к социализму, так и с точки зрения тех уроков и выводов, которые вытекают из русского опыта для хозяйственного строительства пролетариата других стран, после завоевания им государственной власти.

2. Методы и темп хозяйственного строительства победоносного пролетариата определяются: а) уровнем развития производительных сил как в хозяйстве в целом, так и в отдельных его отраслях, в особенности—соотношением между промышленностью и крестьянским хозяйством; б) культурным и организационным уровнем пролетариата, как правящего класса: в) политической ситуацией, сложившейся после завоевания пролетариатом власти (сопротивлением низвергнутых буржуазных классов, поведением мелкой буржуазии и крестьянства, размахом и разрушительностью гражданской войны, наличием внешних военных интервенций и пр.).

Совершенно очевидно, что, чем выше уровень производительных сил в стране и культурно-организационный уровень пролетариата, чем слабее сопротивление низвергнутых классов, тем ровнее, систематичнее, скорее и успешнее победоносный пролетариат может перевести хозяйство с капиталистических основ на социалистические.

В силу своеобразного сочетания исторических условий, первая вступила на путь социалистического развития Россия, страна хозяйственно отсталая, несмотря на высокую концентрацию важнейших отраслей ее промышленности, страна с отсталыми в культурном и организационном отношении рабочими и крестьянскими массами, несмотря на крайне высокие революционно-политические качества пролетарского аппарата.

*) Настоящие тезисы представляют собою конспект доклада, прочитанного мною на 4-ом конгрессе Коминтерна по вопросу о хозяйственном положении Советской России и перспективах мировой революции.

Этими противоречиями в хозяйственном, социальном и политическом строении России, а также и тем фактом, что Советская Республика в течение всего своего существования оставалась и остается в капиталистическом окружении, определяются судьбы хозяйственного строительства рабоче-крестьянской власти, повороты этого строительства и смысл нынешней, так называемой, новой экономической политики.

3. Поголовная экспроприация не только крупной и средней, но и мелкой буржуазии города и деревни была мерой не экономической целесообразности, а политической необходимости. При продолжавшемся господстве капитализма во всем мире не только крупная, но и мелкая буржуазия России не хотела верить в устойчивость рабочего государства и являлась резервуаром для помещичье-буржуазной контр-революции. Сломить сопротивление этой последней и тем отстоять Советскую власть можно было в этих условиях не иначе, как полной экспроприацией буржуазии и кулацких верхов деревни. Только такая решительная и беспощадная политика, поставившая колеблющиеся крестьянские массы перед необходимостью выбирать между помещичьей реставрацией и рабочим государством, обеспечила победу этого последнего.

4. Рабочее государство оказалось, следовательно, уже на первых шагах своей деятельности обладателем всех промышленных предприятий, вплоть до самых мелких. Внутреннее соотношение различных отраслей промышленности, в том числе — и в первую голову — основных, было уже до того совершенно нарушено и искажено перестройкой промышленности во время войны и для войны. Личный состав управляющего хозяйственно-административного аппарата находился либо в эмиграции, либо на белых фронтах, а если на советской службе — то в качестве саботажников.

Завоевание и удержание власти рабочим классом было куплено ценою быстрого и беспощадного разрушения всего буржуазного аппарата управления хозяйством, сверху до низу, как в отдельном предприятии, так и во всей стране.

Таковы те условия, в которых сложился так называемый «военный коммунизм».

5. Самой неотложной задачей нового режима было обеспечить продовольствием города и армию. Уже империалистская война заставила от свободы хлебной торговли перейти к монополии. Разрушив, под давлением потребностей гражданской войны, все организации торгового капитала, рабочее государство не могло, разумеется, начать с восстановления свободной хлебной торговли. Оно оказалось вынужденным заменить разрушенный торговый аппарат государственным — на основе принудительного изъятия излишков крестьянского хозяйства.

Распределение продовольственных и иных потребительских ресурсов приняло форму уравнилельного государственного пайка, почти вне зависимости от квалификации и производительности труда. Этот «коммунизм» был справедливо назван военным не только потому, что заменил хозяйственные методы военными, но и потому, что служил в первую голову военным целям. Дело шло не о том, чтобы обеспечить планомерное развитие хозяйства в создавшихся условиях, а о том, чтобы обеспечить продовольствие армии на фронтах и спасти рабочий класс от вымирания. Военный коммунизм— это режим осажденной крепости.

6. В области промышленности был создан, на основе профсоюзов и при их помощи, грубый централизованный аппарат, имевший своей непосредственной целью извлечь из расстроенный в конец войны, революцией и саботажем промышленности хотя бы минимум продуктов, необходимых, в первую голову, для ведения гражданской войны. Подобие единого плана достигалось тем, что наличные производительные силы использовывались лишь в незначительной своей части.

7. Если бы за победой русского пролетариата последовала вскоре победа пролетариата западно-европейского, то это не только сократило бы в чрезвычайной степени гражданскую войну в России, но и открыло бы перед русским пролетариатом новые организационные и технические возможности, неразрывно связав хозяйство Советской России с более высоким хозяйством других пролетарских стран. При этом условии переход от «военного коммунизма» к подлинному социализму произошел бы, несомненно, в более короткий срок и без тех потрясений и отступлений, которые пришлось пережить изолированной пролетарской России за эти 5 лет.

8. Экономическое отступление—или вернее: политическое отступление на хозяйственном фронте—стало совершенно неизбежным, когда вполне определилось, что Советской России предстоит своими собственными организационными и техническими силами и средствами строить свое хозяйство в течение более или менее значительного периода, необходимого для подготовки европейского пролетариата к завоеванию власти.

Контр-революционные события в феврале 1921 г. показали полную неотложность большего приспособления хозяйственных методов социалистического строительства к потребностям крестьянства. Революционные события в марте 1921 г. в Германии показали полную неотложность политического «отступления» в смысле подготовительной борьбы за овладение большинством рабочего класса. Оба эти отступления, совпадающие по времени, находятся, как указано выше, в теснейшей взаимной связи. Отступлениями они являются в том

условном смысле, что и там и здесь выяснилась со всей отчетливостью необходимость пройти через некоторый подготовительный период: нового хозяйственного курса—в России, борьбы за переходные требования и единый фронт—на Западе.

9. От методов военного коммунизма советское государство перешло к методам рынка. Оно заменило изъятие излишков натуральным налогом, предоставив крестьянству свободно продавать излишки на рынке; восстановило денежное обращение, приняв ряд мер, направленных к стабилизации валюты; перевело предприятия государственной промышленности на начала коммерческого расчета, восстановив зависимость заработной платы от квалификации и выработки; сдало ряд мелких и средних промышленных предприятий в аренду частным предпринимателям. В возрождении рынка, его методов и учреждений и состоит существо «новой экономической политики».

10. К 5-летию существования Советской Республики, экономика ее, в грубых чертах, может быть охарактеризована следующим образом:

а) Вся земля принадлежит государству. Около 95% пахотной земли находится в хозяйственном распоряжении крестьянства, которое вносит государству, в виде натурального налога, в нынешнем году свыше 300 миллионов пудов ржи из урожая, который составил, примерно, $\frac{3}{4}$ среднего довоенного урожая.

б) Вся железнодорожная сеть (свыше 63 тысяч верст) составляет собственность государства. При свыше 800 тысяч служащих и рабочих, она выполняет сейчас, примерно, третью работу, которую выполняла до войны.

в) Все промышленные предприятия принадлежат государству. На важнейших из них (свыше 4.000 предприятий), насчитывающих около миллиона рабочих, государство ведет хозяйство за собственный счет. До 4.000 второстепенных и третьестепенных предприятий, насчитывающих около 80 тысяч рабочих, сдано в аренду. Государственные предприятия занимают в среднем 207 рабочих каждое. Арендные предприятия—17 рабочих в среднем каждое. Однако, из арендованных предприятий только около половины находится в руках частных предпринимателей; другая половина арендована отдельными государственными учреждениями или органами кооперации.

г) Частный капитал формируется и оперирует ныне, главным образом, в области торговли. По крайне приближительным и недостоверным первым исчислениям, на его долю приходится около 30% торгового оборота; остальные 70% составляют сумм государственных органов и кооперации, тесно связанной с государством.

д) Внешняя торговля, составляющая в нынешнем году $\frac{1}{4}$ довоенной в отношении ввоза и $\frac{1}{20}$ —в отношении вывоза, целиком сосредоточена в руках государства.

11. Методы военного коммунизма, т. е. методы крайне грубого централизованного учета и распределения, заменены при новой политике методами рынка: куплей-продажей, коммерческой калькуляцией, конкуренцией. Но на этом рынке рабочее государство выступает, как самый могущественный собственник, покупатель и продавец. Непосредственно в руках рабочего государства сосредоточено подавляющее большинство производительных сил промышленности и средств железнодорожного транспорта. Деятельность государственных органов, таким образом, контролируется и в значительной мере направляется рынком. Выгодность того или другого предприятия проверяется через конкуренцию и коммерческий расчет. Связь земледелия с промышленностью, деревни—с городом, осуществляется через посредство рынка.

12. Поскольку, однако, существует свободный рынок, на нем неизбежно образуется и частный капитал, конкурирующий с государственным—сперва в области торговли, но стремящийся проникнуть и в сферу промышленности. Недавняя гражданская война пролетариата с буржуазией сменяется конкуренцией пролетарской промышленности с буржуазной. Как в гражданской войне борьба шла, в значительной мере, за политическое привлечение крестьянства, так сейчас борьба идет, главным образом, из-за крестьянского рынка. Пролетариат имеет в этой борьбе огромные преимущества: наиболее высоко стоящие производительные силы страны и государственную власть. На стороне буржуазии—сноровка и, до известной степени, связь с иностранным капиталом, в частности, с эмигрантским.

13. Налоговая политика рабочего государства и объединение в его руках кредитных учреждений должны быть отмечены особо, в качестве могучего средства обеспечения перевеса государственных, т. е. по своим тенденциям, социалистических, форм хозяйства над частно-капиталистическими. Налоговая политика дает возможность привлекать все возрастающую часть частно-капиталистических доходов для государственного хозяйства, не только в области земледелия (продналог), но и в области торговли и промышленности. Таким образом, и частный капитал (концессии!) становится, при пролетарской диктатуре, данником в пользу первоначального социалистического накопления.

С другой стороны, торгово-промышленный кредит, сосредоточенный в руках государства, питает, как свидетельствуют данные последних месяцев, на 75% государственные предприятия, на 20% кооперацию и никак не более, как на 5%,—частные предприятия.

14. Утверждение социал-демократов о «капитуляции» советского государства перед капитализмом представляет собой, таким образом, явное и грубое искажение действительности. На самом деле, советское правительство вступило на тот хозяйственный путь, каким оно пошло бы, несомненно, в 18—19 г.г., если бы неотразимые потребности гражданской войны не вынудили его экспроприировать буржуазию одним ударом, разрушить ее хозяйственный аппарат и заменить его на скорую руку военно-коммунистическим аппаратом.

15. Важнейшим политическим и экономическим результатом НЭП является серьезное и прочное соглашение с крестьянством, для которого доступ к открытому рынку стал импульсом к расширению и интенсификации хозяйства. Опыт последнего года, в частности—расширение озимого посева, дает все основания ожидать дальнейшего систематического улучшения сельского хозяйства. Таким путем создается не только продовольственный фонд для промышленного развития России, но и важнейший товарный фонд для внешней торговли. Отныне русский хлеб будет появляться на европейском рынке во все возрастающем количестве. Значение этого фактора для социалистического переворота на Западе понятно само собой.

16. Те отрасли промышленности, которые непосредственно работают на потребление, в особенности на крестьянский рынок, сделали несомненные и весьма заметные успехи уже за первый год НЭП. Тяжелая промышленность находится еще, правда, в крайне тяжелом положении, но эта отсталость тяжелой промышленности, целиком вытекающая из условий последних лет, находит свое объяснение также и в условиях восстанавливающегося товарного хозяйства: только первые успехи в сельско-хозяйственной области и в сфере легкой индустрии могут дать настоящий толчок к правильному развитию машиностроения, металлургии и топливной промышленности, которым, разумеется, обеспечено самое внимательное отношение со стороны государства. Это последнее будет расширять свое хозяйство, собирать в своих руках все большие оборотные средства, а затем, путем государственного («первоначального социалистического») накопления, обновлять и увеличивать также и основной капитал. Нет решительно никаких оснований считать, что государственное накопление будет идти медленнее, чем частно-капиталистическое, и что, таким образом, частный капитал выйдет победителем из борьбы.

17. Поскольку дело идет об иностранном капитале (смешанные общества, концессии и пр.), его роль на территории России, независимо от его собственной крайне-выжидательной и осторожной политики, определяется соображениями и расчетом рабочего государства, которое выдает промышлен-

ные концессии и заключает торговые соглашения в тех пределах, в каких это не может подорвать основ государственного хозяйства. Монополия внешней торговли является в этом отношении одним из важнейших залогов социалистического развития.

18. Перевода свое хозяйство на основы рынка, рабоче государство не отказывается, однако, даже и на ближайший период от планового начала в хозяйстве. Уже тот факт, что вся железнодорожная сеть и подавляющее большинство промышленных предприятий эксплуатируются непосредственно за счет государства и финансируются последним, делает неизбежным сочетание централизованного государственного контроля над этими предприятиями с автоматическим контролем рынка. Государство все больше сосредоточивает свое внимание на тяжелой промышленности и транспорте, как основах хозяйства, приспособляя, в значительной степени, к их потребностям свою финансовую, фискальную, концессионную и таможенную политику. Государственный план хозяйства, в условиях нынешнего периода, не ставит себе утопической задачи—заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения. Наоборот, исходя из рынка, как основной формы распределения хозяйственных благ, и регулирования их производства, хозяйственный план сегодняшнего дня направлен на то, чтобы сочетанием кредитных, налоговых, промышленных, торговых факторов обеспечить государственным предприятиям максимальное преобладание на рынке, внести во взаимоотношения между этими предприятиями максимальное предвидение и единообразие и, таким образом, опираясь на рынок, содействовать скорейшему его преодолению—прежде всего во взаимоотношениях между самими государственными предприятиями.

19. Вовлечение крестьянства в плановое государственное, т. е. социалистическое хозяйство представляет задачу, еще более сложную и длительную. Организационно пути для этого прокладывает контролируемая и направляемая государством кооперация, обслуживающая важнейшие потребности крестьянина и его хозяйства. Экономически этот процесс будет совершаться тем быстрее, чем большую массу продуктов государственная промышленность сможет предоставить деревне через посредство кооперации. Но полного торжества в земледелии социалистическое начало может достигнуть только через электрификацию сельского хозяйства, которая нанесет спасительный удар варварской разобщенности крестьянского производства. План электрификации составляет, поэтому, важную составную часть общего государственного хозяйственного плана, и эта часть, неизменно возрастающая по мере подъема производительных сил советского хозяйства, должна в дальнейшем получать все большее преобладание, пока не станет

основой всего социалистического хозяйственного плана в целом.

20. Организация хозяйства состоит в правильном, целесообразном распределении сил и средств между разными отраслями и разными предприятиями, и в разумном, т. е. экономном применении этих сил и средств внутри каждого предприятия. Капитализм достигал этой цели путями спроса и предложения, конкуренции, подъема и кризиса.

Социализм будет достигать той же цели сознательным построением национального, а потом и мирового хозяйства, как единого целого, по общему плану, исходящему как из наличных производственных средств, так и из наличных потребностей, всеобъемлющему и чрезвычайно гибкому в то же время. Такой план не может быть построен априорно: он должен быть выработан, исходя из того хозяйственного наследства, какое получает пролетариат от прошлого, путем систематических изменений и перестроек, все более и более решительных и смелых, по мере повышения хозяйственной выучки пролетариата и умножения его технического могущества.

21. Совершенно очевидно, что между капиталистическим режимом и законченным социализмом неизбежно должна протекать длительная эпоха, в течение которой пролетариат, пользуясь методами и организационными формами капиталистического оборота (денеги, биржа, банки, коммерческая калькуляция), все в большей и большей степени овладевает рынком, централизует, объединяет его и тем самым, в последнем счете, упраздняет рынок, заменяет его централистическим планом, вытекающим из всего прошлого хозяйственного развития и являющимся предпосылкой дальнейшего хозяйствования. На этом пути и находится сейчас Советская Республика—будучи несравненно ближе к точке отправления, чем к конечной цели. Только тот факт, что советское государство, после навязанного ему обстоятельствами военного коммунизма и вследствие задержки революции на Западе, оказалось вынужденным проделать известное отступление, более, впрочем, формального, чем материального характера, затуманивает картину и дает повод мелко-буржуазным противникам рабочего государства говорить о капитуляции перед капитализмом. На деле же развитие Советской России совершается не от социализма к капитализму, а от капитализма, временно придавленного методами так называемого военного коммунизма,—к социализму.

22. В корне несостоятельным, исторически невежественным, является утверждение, будто упадок производительных сил России является результатом нерациональности социалистических или коммунистических методов хозяйства. На самом деле, упадок явился результатом прежде всего войны, а затем—революции, в той ожесточенной форме длительной

гражданской войны, какую она приняла в России. Великая Французская Революция, создавшая предпосылки для мощного капиталистического развития Франции и всей Европы, непосредственно породила чрезвычайные опустошения и хозяйственный упадок. Через 10 лет после начала Великой Революции Франция была беднее, чем накануне революции. Тот факт, что промышленность Советской Республики дала за последний год не более четверти средней довоенной производительности, свидетельствует не о несостоятельности, социалистических методов, которые еще не успели даже найти себе применение, а о глубине хозяйственного распада, неизбежно связанного с самой революцией. Но до тех пор, пока существует классовое человеческое общество, оно будет неизбежно оплачивать каждый свой крупный шаг вперед человеческими и материальными жертвами—все равно, идет ли речь о переходе от феодализма к капитализму, или о другом, несравненно более глубоком переходе: от капитализма к социализму.

23. Из сказанного выше вытекает сам собою ответ на вопрос о том, в какой мере то, что называется в России новой экономической политикой, является необходимой стадией всякой пролетарской революции. В новой экономической политике надо различать два элемента: а) охарактеризованный выше момент «отступления» и б) ведение пролетарским государством хозяйства на основах рынка и всех с ним связанных методов, процессов и учреждений.

а) Что касается «отступления», то оно и в других странах может явиться результатом чисто политических причин, то есть необходимости в разгаре гражданской войны захватить у врага гораздо большее количество предприятий, чем пролетариат сможет хозяйственно организовать. Вытекающие отсюда частичные отступления не исключены ни в одной стране. Но вряд ли они в других государствах будут иметь такой глубокий характер, как в крестьянской России, в которой, к тому же, гражданская война развернулась настоящим образом только после захвата пролетариатом власти. Сейчас уже можно не сомневаться в том, что в большинстве капиталистических стран пролетариат придет к власти только через ожесточенную, упорную и длительную гражданскую войну. Другими словами, главные вражеские силы пролетариат Европы должен будет разбить до завоевания власти, а не после завоевания ее. И уж во всяком случае, сопротивление буржуазии, военное, политическое и хозяйственное, будет тем более слабеть, чем в большем числе стран власть успеет перейти в руки пролетариата. А это значит, что момент военного захвата промышленности и следующий за ним момент хозяйственного отступления будет в остальном мире, по всей вероятности, играть несравненно меньшую роль, чем в России.

б) Что же касается использования методов и учреждений, созданных капитализмом для регулирования хозяйства, то все рабочие государства должны будут в той или иной мере пройти через эту стадию на пути от капитализма к социализму. Другими словами, каждое новое рабочее правительство должно будет после неизбежного в той или иной степени разрушения, в процессе гражданской войны, капиталистических хозяйственных органов (биржи, банки, тресты, синдикаты)—восстановить эти органы, подчинить их себе политически и организационно, связав их со всем механизмом пролетарской диктатуры, творчески овладеть ими для постепенной перестройки при их помощи хозяйства на социалистических началах. Чем большее число стран уже подпало под власть пролетариата, чем могущественнее овладевающий в данной стране властью пролетариат, тем труднее эмиграция капиталов и даже капиталистов, тем меньше почвы для саботажа со стороны административно-технической интеллигенции, тем меньше будет, следовательно, разрушение материальных и организационных капиталистических аппаратов—и тем легче их восстановление.

24. С какой скоростью рабочее государство будет проходить через эту стадию, в которой строящийся социализм еще живет и развивается под капиталистической оболочкой, это будет зависеть, как уже сказано выше, помимо военно-политической обстановки—от организационно-культурного уровня и состояния доставшихся ему производительных сил. Совершенно очевидно, что чем выше будут оба эти уровня, тем быстрее рабочее государство совершит переход к социалистическому хозяйству, а затем и к полному коммунизму.

1/XII—22 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

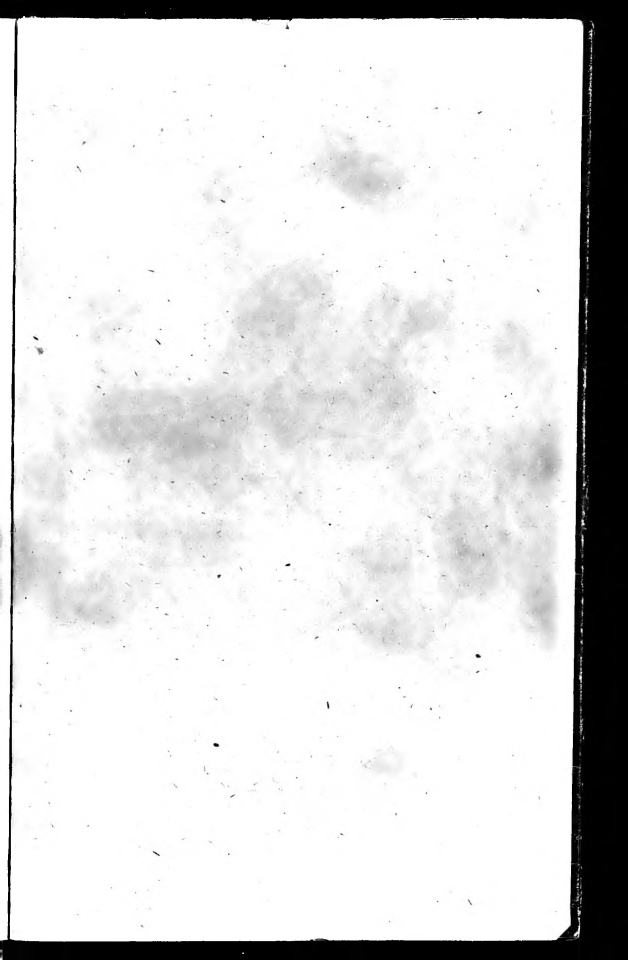
	Стр.
От автора	3
Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции	5
Ход гражданской войны	7
Условия социалистического строительства	11
Военный коммунизм	14
«Новая экономическая политика»	18
Сила и средства двух лагерей	24
Критерий производительности труда	32
О социал-демократической критике	36
Мировое положение и революционные перспективы	41
Политические перспективы	49
Хозяйственное состояние Советской России с точки зрения задач социалистической революции. (Тезисы)	59

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ
„МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО“

НАХОДЯТСЯ:

- в Москве**—Большая Дмитровка, 15/А;
- в Петербурге** — кооперативное рабочее издательство «Прибой»;
- в Харькове** — кооперативное рабочее издательство «Пролетарий»;
- в Баку** — кооперативное издательство «Бакинский Рабочий»;
- в Ростове н/Д.**—кооперативное издательство Юго-Востока «Прибой».

Зр.

